

СТЯЖКЕР

Сергей Вольнов

A man in a military uniform, seen from behind, stands on a metal structure inside a dark, industrial-looking interior. He is looking out of a large, circular opening that reveals a bright blue, alien planet with a large, glowing moon. The scene is illuminated with a strong blue light, creating a sense of mystery and exploration.

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
ШИФР ОТЧУЖДЕНИЯ

Апокалипсис-СТ

Сергей Вольнов

**Зона Посещения.
Шифр отчуждения**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вольнов С.

Зона Посещения. Шифр отчуждения / С. Вольнов —
«Издательство АСТ», 2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-982665-1

Земля и человечество много лет страдали от последствий чуждого влияния, порожденного Зонами Посещения. Война велась с переменным успехом, много битв и схваток свершилось в этом противостоянии. Победить Отчуждение... Способна ли на это планета, пораженная смертоносным вторжением инородных существ? Какой вклад в победу может внести человек, который родился сталкером и реально очутился в «сказке о Зоне»? Ведь основой любого мифа обязательно бывает нечто реальное...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982665-1

© Вольнов С., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Вместо пролога	6
Отправление. Рекрут	9
Продление. Неофит	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Вольнов

Зона Посещения. Шифр отчуждения

© Вольнов С., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается всем, кто видит сны о чём-то большем...

У слова «мечта» в русском языке нет родительного падежа во множественном числе. «Сбыча мечт» лишь суррогатный заменитель смысла. Быть может, потому что на самом деле настоящая сбывшаяся мечта может случаться только в единственном числе?..

Вполне закономерное и очевидное предположение

Вместо пролога

На небо я смотрю не часто. В основном для того, чтобы узнать, какие именно пакости и в каком объёме могут оттуда свалиться в ближайшее время.

Вот как сейчас. Там, сверху, в мрачной круговерти штормовых туч, образовался характерный просвет, круглая белая проплешина посреди бескрайнего тёмного океана. До боли знакомая «клякса»!

Я побежал быстрее.

Трава предательски скользила под подошвами. Не оступиться и не растянуться на ней – мне везло просто чудом!.. С враждебных небес обрушивалась влага, щедро барабаня по голове и плечам словно тяжёлыми литыми гранулами. Периодически вверху не слабо вспыхивало, и вслед за молниеносной ослепляющей вспышкой грохотал взрывной гром. Этот сумасшедший грохот яростно сотрясал землю, а взбесившийся ветер наотмашь хлестал в лицо, бил по всему телу беспощадно, как будто стремился разорвать меня, разодрать на куски.

Поэтому неудивительно, что я старался двигаться как можно быстрее. Только пятки сверкали! В пределах возможностей собственной реакции, конечно, но скорость развил более чем приличную. Сумел разогнаться вопреки непогоде, вопреки зверской усталости... И выдерживал его, бешеный темп. Это мне позволило за сравнительно недолгий отрезок времени оставить позади солидную дистанцию.

Однако без толку. ОНО всё равно неотступно гналось, приближалось сзади, настигало.

Я знал.

И ничего не мог поделать. Я не оглядывался, да и, если бы даже оглянулся, вряд ли смог бы увидеть нечто, теперь преследующее меня. То, что свалилось в пробел с неба. Ничегошеньки не разглядеть в этой истеричной кутерьме, в удушливом сумраке, перемешанном с дождевыми струйными россыпями. Рассчитывать приходилось исключительно на чуйку: что-то внутри меня уверенно, безапелляционно давало знать – ОНО там, за спиной.

Остро, выворачивающего кишки наизнанку ощущения того, что угроза вот-вот материализуется, ещё не возникло. Но высверкнуло отчётливое понимание: несмотря на все мои старания, то, что за мною гонится, всё ближе и ближе... И вслед за этой молнией осознания ужасающим громом меня заполнило страхом, что ОНО буквально повисло на хвосте!

Преследует упрямо, неотступно, а сражаться с ним бесполезно и бессмысленно...

Страх захлёстывал, душил. Он обжигал изнутри, заставляя выжимать из тела последние капли энергии. Ни в коем случае не сбавлять обороты! У меня нет достойного оружия... нет ничего такого, чем можно дать отпор, хоть какой-нибудь осязательный... Я могу только одно – ускоряться. Замедление темпа в прямом смысле означает смерть.

Ужас, пронизывающий насквозь!!!

ОНО не имеет никакого отношения к людям...

Преследующее меня чудовище гораздо опаснее обычной человеческой сущности. Против НЕГО я бессилен, мне совершенно нечего противопоставить настолько сокрушительной силе. Кажется, стоит ЕМУ нагнать – и хватит неуловимого мгновения, чтобы от меня не осталось и следочка на лике Вселенной... Поистине инфернальная жуть дышит мне злобой в затылок, вот-вот догонит и вцепится...

Но вдруг высверкнула новая молния осознания! Не от собственного ли страха я убегаю?!. То, что я вдруг ощутил, не выразить никакими словесными конструкциями. Это возможно лишь прочувствовать самому – инстинктивную мощь, которая пробуждается, когда возникает острейшая необходимость спастись, выручать себя, отвоевать своё право на бытие и сознание... Хотя скорее это состояние можно было назвать не мощью, а волей. Волей к жизни.

Именно она позволила и дальше мчаться, несмотря на запредельную усталость. Мгновение за мгновением избегая смертельного финала.

Пусть и не выиграть мне этого нечеловеческого забега, не победить в соревновании с наступающим страхом. Фактически я уже не сомневался, что обречён... но отрицал эту несомненность, прятал её, лихорадочно засовывал в подсознание.

Потому что жить я обожаю. Не то слово! Жить я настолько люблю, что до последней капли сил буду бороться со страхом...

И всё ещё бегу. Значит, живу.

А воздух... стал невероятно свеж. Такого свежего в Зоне редко когда удаётся отведать. Почти никогда, если точно формулировать. Он был уже просторным, как сама свобода, и вырвался в лёгкие словно живительное спасение. Воздух стал воистину прекрасен! Дождь беспощадно долбил по земле, по мне и по моему «сопернику», наверное, тоже... Водяные бомбы, как будто возникающие прямо из окружающего пространства, падали кучно и прицельно.

Гроза бушевала, разряды сверкали, сопровождаемые раскатами, неожиданно приглушёнными... Молнии прочерчивали на небесном листе настолько яркие линии, что они просматривались даже сквозь облачную мглу, но звук этот пологом из туч начал фильтроваться; облачность не пропускала его в полном объёме, задерживая там, где-то в недостижимой выси, придерживая, не позволяя лавиной обрушиваться сюда, вниз... А я всё отдал бы, чтоб сейчас оказаться на воле! Взлететь высоко-высоко и обрести свободу полёта... Но я-то бегу по земле, к несчастью, и за мной по-прежнему гонится ОНО.

Проскочил полосу кустарника, и ветки, одетые в листья, обременённые водой, отхлестали меня по бёдрам. Дальше немножко чистого пространства... Молния шваркнула оземь в нескольких шагах от меня! Глаза залил ослепляющий свет, от неожиданности я метнулся в сторону, оступился и начал падать... Колокольным звоном разразилось в ушах, я ощутил вибрацию, волнами пронзающую тело. Небесное электричество захлестнуло падающего меня... И вот, кажется, я уже распростёрт на земле, вдавлен в мокрое грязное месиво. Сознание меркло, а тяжёлые струи всё валились и валились с неба, и я тонул, захлёстываемый леденящими потоками...

Но не позволил разуму угаснуть совсем. Всё же поднялся и шагнул вперёд... Смертельная угроза никуда не делась, наоборот, вот-вот дотянется. Место, куда шарахнул разряд, было сожжено. Напрочь выгорела трава, спеклась почва; остались сажа и дым, в смешении с дождевой водой они превращались в грязный туман.

Жить!!!

Мой спасительный марафон нельзя прерывать. Я бросился дальше. Прямо по курсу маячили деревья. Стоит надеяться, что лес как-то поможет, хотя под кронами однозначно ещё большая темень... Там я даже в паре шагов от себя мало что разгляжу. Здесь есть хоть какой-то свет, с неба просочившийся...

Насчёт темноты я оказался прав. Обзор чуть дальше вытянутой руки.

Ворвавшись в лес, очутился я как будто в закрытой душевой кабине с перегоревшей подсветкой, да ещё и пол в ней усеян обломками ветвей и камнями... Но я продолжал ломиться во тьму. Шанс кувырнуться и сломать шею стал ещё выше, чем на открытой местности. А деваться никуда, остановиться означало обречь себя на поражение...

Я в прямом смысле ощутил себя слепцом на краю пропасти. Что и было недалеко от истины. Из-за обескураживающей незрячести я терялся ещё и внутри. Даже не понимая уже, преследует меня ОНО или больше нет. И только всепоглощающее желание выжить неистово подхлёстывало, насильно принуждало: продолжай движение!..

Вот перепрыгиваю толстую ветвь-слагбаум, лежащую поперёк между двумя древесными стволами. Перескакиваю через заполненную водой яму, края которой превратились в жижу. Мимо раскоряченного старого пня, расположившегося на платформе из собственных корней,

словно паук на паутине. Вода нещадно затекает во все щели этого напоминания о дереве, пробирается глубже и глубже, неся сырость и гниение... Потом встречается ещё несколько схожих пней. Хорошо хоть, не полетел кубарем, споткнувшись об один из таких.

Затем вниз по склону. Адский спринт по прямой, пекущая геенна в лёгких... Стоп!!! Всё, дальше бежать нельзя. Откуда я это знаю?!

Знаю, потому что доверяю чуйке.

Проскочив за считанные секунды несколько десятков метров, показавшиеся бесконечно долгими, я резко встал, как об стену ударенный, почуввав и затормозив. Здесь, на расчищенной полянке, стояла с виду давно заброшенная, но более-менее сохранившая форму хижина. По крайней мере снаружи сооружение выглядело ею.

Ну, хоть так. Только что я как сумасшедший рвал когти вниз по наклонной, перепрыгивая ямы и поваленные деревья, едва ли не кувыркаясь, спасаясь от бесконечного ливня и густого сумрака, в котором таился преследующий меня ужасный монстр, а теперь замер недвижимо... Внезапно обнаруженная постройка. Сделанная человеческими руками.

Возможное укрытие?..

Хлипкий заборчик давно повален. Перед входом валяется разного рода хлам: покореженные железные листы, всяческая труха, какие-то невразумительные обломки... Синоним выбора – решение! Старт, и мощным спуртом я преодолеваю разделяющее меня и хижину расстояние, с разгону врезаюсь плечом во входную дверь.

Только сейчас меня прошибает отчётливая мысль: это же выдаст моё присутствие преследователю! Но тотчас появляется другая, пытающаяся логически обосновать: глядя с другой стороны, дверь могла быть выломана уже давно.

Я не сдерживал силу удара и провалился внутрь вместе с полотном двери, не слабо приложившись о прелые доски... Перестарался, хлипкая створка вывалилась бы просто от уверенного нажатия на неё.

Внутри помещения никого живого не чувствуется. Вроде как сверху ещё и подобие второго этажа или чердака... Третья по очерёдности чёткая мысль, посетившая меня: лестница, ведущая туда, уцелела? Практически на ощупь я продвинулся в глубь постройки. Что-то обязательно должно быть такое, чем можно воспользоваться... Всё-таки есть шанс, что в каком-нибудь уголке дожидается меня та самая спасительная верёвочка, путеводная нить, за которую я обязательно ухвачусь... Только бы...

Кошмар властно заполнял, засасывал в себя, стремясь поглотить без остатка. Появился отвратительнейший, сводящий скулы и выворачивающий кишки скрип, казалось, исходящий одновременно со всех сторон. Меня затрясло, чёткие мысли испуганно улетучились, измученный мозг отказывался что-либо воспринимать и переваривать, ноги сковало судорогой, по спине волной покатился ледяной озноб...

ОНО здесь.

Я больше не могу никуда убежать, шевелиться бесполезно. Неотвратимость придвинулась вплотную, близится конец. Всё? Я почувствовал, что проваливаюсь куда-то... Окончательно теряю и без того мутное и зыбкое сознание...

Но страх преследует меня и там, в глубинах под...

Вот с этим обескураживающим пониманием, что от НЕГО никуда не деться, потому что враг внутри, а не снаружи, я и просыпаюсь.

Поэтому неудивительно, что первые минуты бодрствования убийственно-леденящее послевкусие сна наполняет меня мерзкой горечью. Но свет начинающегося дня с каждым мгновением приобретает всё больше власти над мраком, оттесняет его тёплыми лучами, дарующими жизнь.

Надолго ли?..

Отправление. Рекрут

*В «Апокалипсисе» не рассказано о конце света. Там говорится, что старое уйдёт, и наступит что-то другое...
Абсолютно достоверный факт*

Тонкий прерывистый писк сверлит уши. Этот тревожный звук сообщает, что где-то поблизости от меня находится взрывоопасное вещество.

Таким образом сработав, меня предупреждает химический улавливатель, который дед назвал миноискателем. К счастью, гаджет этот достаточно продвинутый и чувствительный, насколько я понимаю. Высоки шансы, что предостережёт ещё до того, как я подойду вплотную к источнику потенциального взрыва или извержения.

Надеюсь, он загодя, как минимум за несколько метров, просигналит. Поэтому я могу успеть шагнуть не только назад, но и вперёд или в сторону, не рискуя сразу же подорваться. Тем самым получив возможность «нащупать» безопасную тропу. Ведь навыки сапёра среди моих умений пока не значатся, точно, и обезвредить заряд, преградивший путь, я никак не сумею. Следовательно, остаётся лишь искать траекторию, уводящую в обход.

Да уж, без этого замечательного устройства я срезался бы в самом начале пути, и – всё, приплыл. Очень скоро выясняется, что участок передо мной просто-напросто усеян минами! Местами смертоносные «подарочки» располагались целыми россыпями, вынуждая меня подолгу пятиться, петлять и вихлять, чтобы определить «чистый» маршрут.

За час я преодолел не больше сотни метров по прямой, хотя шагов сделал не меньше пятисот... А если бы не продвинутый искатель, то и десятка метров не преодолеть! Какая-нибудь из коварных ловушек сработала бы, взрыв – и моя походка на этом закончена, пошёл вон из этого брэнного мирочка. Не обратно, «домой», а во всех смыслах вон.

Однако я всё ещё здесь, спасибо улавливателю. Эх, конечно, ещё бы сканер какой-нибудь занять, размечтался я... Чтоб по ходу тоже не молчал, срабатывая и предупреждая не о химических искажениях, а о физических... э-э... локальных изменениях пространства, скажем так.

Вокруг меня же явно не парк культуры и отдыха, и пусть наибольшую текущую угрозу пока что представляют заряды, наставленные людьми, мне надо будет научиться не забывать о том, что главная опасность исходит от сюрпризов нечеловеческих.

Хотя один раз я определил искажение самостоятельно, вовремя распознал... Мне удалось заметить, и это замечательно! В любом случае сканеры энергий навряд ли всевидящи, увы. Иначе, насколько я могу представить, люди могли бы по отчуждённой территории прогуливаться, как по бульвару. Полагаясь исключительно на всяческие мудрёные датчики, способные дистанционно определить абсолютно всё ненормально-изменённое и обрисовать характеристики, параметры, контуры.

Но, насколько я понимаю, так запросто не получалось, не получается и скорей всего точно не будет получаться.

На то и Отчуждение. Выходит, недаром же его всячески забросили и настолько тщательно забыли...

Дождь усиливается. Ветер порывисто хлещет. Свод неба не просто замутнён, а омрачён в прямом смысле слова. Внезапные нападками воздушных ударов приминают высокие стебли травы, заставляют меня зябнуть и покрываться ознобными мурашками. Видимость хреновейшая, окружающий мир тонет в грязном сумраке. Вода пробралась под одежду, стекает по лицу, пропитала волосы.

Бреду я словно во сне, мало что перед собой различая глазами. Меня даже совершенно не удивляет, что прокладываю тропу через настоящее минное поле. Вот, значит, куда меня вывел и направил дедуля, с которым я познакомился в лесной дереву... Стоп!

«А может, в натуре и нет здесь никакого минного поля?!!»

Это допущение, отвратное до невозможности, вспыхнуло в мыслях и вынудило меня резко остановиться. А ведь и вправду, как проверить, действительно ли является реакцией на взрывчатку писк, о значении которого я знаю лишь со слов деда? Может, сия коробочка, которую я получил от него, на самом деле никакой и не миноискатель, а всего лишь игрушка... Я-то ему как бы поверил на слово. Не испытал на практике, действительно ли взрывоопасное вещество имеется в том направлении, куда пресловутый «улавливатель» советует не ходить... Понятное дело, кому ж захочется проверять ценой жизни в случае реального наличия!

А соблазн уже шипит, коварной змейкой выползая откуда-то из дальних уголков сознания, шепчет и подзуживает... До чего же верно заметил классик Стивен Кинг: «В нашей душе есть что-то такое, что непреодолимо влечёт нас к безумию». Но я не поддался невольному желанию ринуться вперёд сквозь дождь, не разбирая дороги и не обращая внимания на писк, о котором мне было сказано, что предупреждающий, дескать.

Отправившись дальше, я двигаюсь неторопливо, мысленно твердя прописную истину, что разумный человек сохраняет власть над собой, не переходя неких границ самоконтроля, и этим отличается от животных, ибо неподвластен инстинктам и секундным порывам... Вообще-то не всё так уж однозначно с этим утверждением, но сейчас мне лучше верить и не сомневаться в правоте.

Для здоровья полезней наверняка.

К тому же факт: фантазмагорический монстр, которого совсем недавно на моих глазах замочил дедуля, по сути, был до ужаса натурален. В этом я не сомневаюсь. Значит, есть здравые основания полагать, что и опасность, о которой предупреждает назойливый писк, реальна.

Попал так попал...

Вот и крадусь я под дождём, вымотанный, уставший до жути, переполненный сомнениями и страхами, в какой-то окружающей среде, совершенно чуждой моей нормальной жизни... И вдруг, на очередном шаге, испытываю безумное желание оказаться дома! А все те будоражающие воображение сны, все мучительные вопросы, все искомые ответы, так и не найденные, кажутся уже совершенно несущественными.

Я отчаянно хочу в душ, под горячие, а не ледяные струи воды! Хочу к девушке, хочу к лучшему другу, хочу гулять по ночному городу, а не таскаться по мрачной грязище... Проголодался я зверски, когда вернусь, первым делом налопаюсь до отвала... Но окруживший меня и заключивший в плотные объятия дождь заглушает ностальгические мысли и сожалеющие переживания. Мне остаётся только одно.

Идти вперёд. Обратного пути нет... Потому что не для того я стремился вырваться из привычного, нормального мира, чтобы на первых шагах трусливо поджать хвост и улепетнуть.

Я – выходец, а не трусливый возвращенец. Надеюсь.

Впрочем, иду-то уже по эту сторону, и вернуться вряд ли удалось бы при всей отчаянности желания.

Мой путь лишь начинается, до цели идти и идти. Пусть конца-краю дороги, осуществленной мечты пока не видать, но когда-то же сбудется она? И если цель окажется правильно выбранной, только тогда я смогу вернуться домой. А правильное ли решение принято, зависит только от меня... Или нет?

Я останавливаюсь и вслушиваюсь.

Точно, больше не пищит. Видать, минное поле позади. Вроде как испытываю облегчение, но... чего ожидать теперь? Сил едва хватает на то, чтобы передвигать ноги. А если сейчас мне наперерез выскочит нечто ужасное... Вроде чудовища, встреченного раньше, ещё по ту сторону,

до прохождения точки невозврата, пока обратный путь не был отрезан... Я тогда хоть и начал уже погружаться за пределы обычной среды обитания, однако не занырнул «с головой».

В общем, если сейчас выскочит монстр, мне амба. Героический квест накроется медным тазом, едва начавшись. Крышка, короче. Можно ещё много подходящих выражений вспомнить, а сил... нет. Силёнки почти иссякли, печально, ан факт.

Потому пользуюсь возможностью отдохнуть, расслабленно стою и осматриваюсь.

Через некоторое время соображаю, что припомнил пейзаж. Точно-точно, в этих «декорациях» разворачивался сюжет самого первого моего зовущего сна. Начального из цепочки тех невероятных видений, что подвигли меня броситься к чёрту на кулички в самоубийственном стремлении спасти мир от страшной угрозы.

А затем, вдруг получится успешно, в награду – вернуться к нормальному существованию. Избавившись от распирающего страха, переполнившего меня, как паром заполняется котёл... Выпускать пар, не взорваться можно было только так, не иначе.

Отправившись в путь.

Отыскать выпускной клапан я могу лишь здесь. Если повезёт.

Сказанул бы мне кто-нибудь в своё время, что я однажды попрусь в герои-волонтёры, исполненный дурацкого «киношно-книжного» намерения «спасти мир» свой, – долго бы я смеялся и крутил у виска пальцем...

Поднимаю глаза и смотрю вверх. Затеплилась призрачная надежда отыскать там просвет... Но его нет и в помине. Бугристые валуны туч загроздили обзор, небо продолжает нескончаемую борьбу с землёй, кипит и бурлит. Я перевожу взгляд ниже и трогаюсь с места, продолжив путь.

Вхожу в лес и словно бы окунаюсь в непроглядный, вязкий омут... Под кронами свет отсутствует по умолчанию, различаются только оттенки темноты. Но моё зрение ухитряется эти нюансы распознавать, и потому я как-то продвигаюсь вперёд.

Бреду, раздвигая ветки руками. Сверху продолжает падать вода, капли сыплются и сыплются, древесные сплетения над головой несколько приглушают громовой грохот, но совсем отсечь его не могут... Я промок и утомлён в квадрате, если не в кубе. Всю энергию затрачиваю на то, чтобы идти, не остаётся ни капельки её на мысли, страхи и прочее... Связных умозаключений нет вообще, если какая-либо мыслишка и поднимается вяло из темнотицы, воцарившейся в сознании, она сразу же ускользает от понимания.

Отчётливо понимаю лишь одно. Надо механически, «на автомате» шагать. Преодолеть как можно большее расстояние, разыскать годное укрытие от нескончаемого ливня и в нём переждать ночь. Иначе – разве что упасть, залечь в мягчайшую грязь, услужливо приготовленную водой из почвы, и кануть в забвение. Навсегда...

Странно, но я ухитряюсь не сбиваться с того маршрута, который уже прошёл во сне. При том что передвигаюсь почти неосознанно, лишь бы не стоять и не упасть. Если даже сбиваюсь с траектории, то всё равно возвращаюсь на пройденную тропу – узнаю по деталям и запомнившимся ориентирам.

Что ж, вдруг так же будет случаться и дальше, и я, наверное, таки притащусь к тому строению, в котором пытался спрятаться от яростно гнавшей за мной смертельной угрозы. Убегал в точно такой же ночи, залитой ливнем... Наверное, это продолжается всё тот же сон, который мне опять привиделся, только с некоторыми изменениями.

Главное, дожить до пробуждения?..

Где-то справа, сбоку от меня внезапно вырастает тень. Выше моего роста, формой похожа на перевёрнутую толстым концом вверх кеглю – это всё, что я успеваю определить. Она отрывается от земли и летит в мою сторону! Оказывается, я недооценил возможности своего организма. Сил хватает на то, чтобы отскочить в сторону, и тень обрушивается туда, где я только что находился.

О-о-о, сил хватает даже на то, чтобы вскинуть полученную у деда винтовку и выстрелить! Выстрел превосходит по громкости шум дождя, перекрывает грозовой раскат, на кончике ствола распускается огненный цветок, а после этого вырастает что-то вроде снопа искр, отскачившего от тени – подобно тому, как отлетают схожие искры от препятствий в играх с низкой разрушаемостью окружения.

Но кеглеобразную тварь остановить пока не удаётся. Она снова бросается в мою сторону, и единственное, что мне дано, это успеть ещё раз выстрелить. Я успеваю, и в самый последний момент...

Создание валится наземь, но не замирает, а извивается, бьётся в конвульсиях. Я вспоминаю, что у меня есть фонарик, достаю его, подсвечиваю и как могу пытаюсь взглянуть в чудище. Похоже на длинный, очень толстый шланг, раздутый с одного конца. И живой... На самом деле тварь эта, похоже, видоизменённая змея. Вся она покрыта чешуйками, на них блестят капли дождя.

Я вижу место, куда угодила первая пуля, – небольшая ямочка, от которой в сторону отходит борозда. Чиркнуло по чешуе... Но вторая пуля вошла точно в глазницу и поразила содержимое головы. Поэтому змеюге дёргаться осталось скорее всего совсем недолго.

Вот ведь подфартило так подфартило!

Тут я соображаю, что зажжённый свет может привлечь других монстров, и поспешно выключаю фонарик. Чтобы увеличить шансы на выживание, придётся учиться сначала быстро продумывать и мгновенно просчитывать варианты развития событий после каждого поступка.

Тварюга фактически целиком защищена бронёй, и пристрелить её у меня не было возможности. По крайней мере с тем нехитрым арсеналом, которым я располагаю. Я остался жив благодаря невероятной случайности. Инстинктивно, не думая, не целясь, выстрелил второй раз, когда от конца – совсем не счастливого – меня отделяли доли секунды. Не оцепенел от страха, а сражался до последнего.

Вдруг я не так уж бесперспективно слаб? И не зря припёрся в Отчуждение...

Я благодарю винтовку, которую с этого момента по праву могу считать своим оружием. Она меня не просто не подвела. В данном случае сыграла решающую роль... Определила результат поединка.

Во всяком случае, какое-то время я думал, что «до последнего». Но очень скоро понял, что в Отчуждении не стоит говорить о чём-либо «последний».

Правильнее использовать слово «крайний»...

Винтовке я отдаю должное мысленно, сил шевелить губами решительно не осталось. Беззвучно благодарю, хотя очень горячо. От всей души. Вылети пуля как-то не так, наносекундой раньше или позже, и результат стремительной схватки мог сложиться далеко не в мою пользу. А ведь если бы оружие имело больший вес, возможно, мне потребовалось бы приложить иное усилие и увеличить затраты времени, чтобы его вскинуть, или спусковой крючок чуть более туго поддавался бы нажатию... Выстрел не свершился бы в единственно нужный момент.

Но подарок старика оказался фактором, идеально разругившим проблему. Закономерно, если именно с этой минуты между мной и чёрной, выдавшей вида «Рысью» возникнет особая связь, способствующая выживанию в дальнейшем...

О том, каким сложится будущее, пока что лучше и не думать.

С тем, что есть, делай, что должен, и будь что будет.

Я иду дальше, оставив агонизирующего мутанта умирать. Добивать не стал, чтобы не расходовать напрасно патроны. У меня их не очень-то много. Бронезмея по любому обречена, пуля вошла в мозги. Однако надо признать, существо живучее, как-то ещё шевелится, бьётся,

крутится. Подозреваю, что и другие твари за жизнь в Отчуждении отчаянно цепляются, ещё и как!¹

Подобно мне. Ведь и обо мне теперь по праву можно сказать, что я – живая тварь в Отчуждении.

Плещусь вниз по склону. Водные ручьи и потёки грязи стремятся туда же – вниз... Очередная молния протыкает густую истому неба, в этот раз полыхнувший разряд настолько мощный, что земля конвульсивно содрогается, я чувствую под ногами вибрацию, а от грома напрочь закладывает уши. Вслед за этой молнией высверкивает другая, огненным росчерком проносится по небу и погасает, оставив за собой лишь яростный порыв ветра, бросивший дополнительный удар дождевых струй в лицо. Наклонная поверхность под ногами дрожит, и внутри рождается какой-то первобытный испуг утратить даже эту непрочную опору.

Ступни, естественно, намокли, обувь успела покрыться многими слоями грязи. Но сейчас я ни о чём не забочусь, кроме того, чтобы найти укрытие. Возможность пережить эту ночь кажется химеричной, утопической.

Да здесь что, всемирный потоп версии два-ноль вершится?!

Спуск превращается в настоящий водопад, и я, соскальзывая по нему, ощущаю себя щепкой, которую течением уносит по реке. Ветер то подталкивает в спину, то стегает в лицо, бросается навстречу, как будто играет в догонялки.

Остаётся лишь несколько шагов до окончания склона...

Проскакиваю их поскорее и, очутившись на относительно ровном участке, прямым курсом нацеливаюсь на постройку. Да, она всё-таки есть! Теперь я кажусь себе бумажным корабликом, очутившимся в море под час бури, однако чудом скольльзящим меж гребней волн, пытающимся дотянуться до размытой линии берега.

Шансов практически нет, и безжалостная стихия вот-вот сомнёт хрупкое судёнышко, но вопреки морской ярости оно держится, держится на плаву, пытаюсь преодолеть как можно большую дистанцию до того, как наступит темнота.

А она неминуемо наступит... Но, быть может, всё-таки удастся достичь берега? Теплится крохотная надежда. Поди разберись, кто же виноват, что кораблик сделан из бумаги, а она уже совсем-совсем размокла...

Я одёргиваю себя. Я – не из бумаги! Я – сталь. Выживу. Доберусь до берега, пересекая преграды волн на пути.

Хлипкий заборчик давно уже повален. Во дворе валяется разного рода мусор: покорёженные листы металла, труха, какие-то непонятные материалы... Я открываю дверь и просачиваюсь внутрь помещения. Ничего не видно, но вроде как присутствует ещё и второй этаж... Лестница, ведущая на него, цела. Я поднимаюсь наверх, изнемождённо опускаюсь на пол и сворачиваюсь калачиком, как побитая собака, наконец-то добравшаяся до своей подстилки.

Только бы здесь меня ничего не доставало! Энергии на борьбу покамест никакой нету, точно, иссякла до самого доньшка.

Мне страшно. Ох, до чего ж-ж-ж мне страшно!!! Раньше я так боялся только в тех вещих кошмарных снах. И вот добровольно припёрся туда, где всеобъемлющий страх не заставил себя ждать и пожаловал наяву.

¹ «Шифр Отчуждения» является неотъемлемой частью авторского цикла Сергея А. Вольнова о «ловчих желаний»; подробнее о названиях и очерёдности других романов можно узнать в финале этой книги, на последних страницах.

* * *

Мы с Димой Люцифером топали по улице и болтали. Вокруг постепенно смеркалось, как-то незаметно позажигались фонари. Атласно-голубое небо виднелось в промежутках между верхушками домов и извивающимися над головами эстакадными дорогами.

Люцифер – это производное от фамилии Лютиков.

«Произведено» было по ассоциации с утренней звездой из римской мифологии, а не с персоной христианского верховного дьявола. Давно и не мной. Мне досталось уже как данность – знать своего коллегу как Люцифера и величать его Люцифером. Правда, иногда, в особые моменты, я называл его Лютик. Не скажу, что он был от этого варианта в восторге, но вслух такое случалось нечасто, так что стойкого негодования у него не вызывало.

Он и я после работы, по укоренившейся у нас привычке, брели в излюбленную «заходиловку» опрокинуть пару-другую кружечек морковного пивка. А работали мы в комплексном медцентре города нашего Гордого, занимались всякими там опытными исследованиями. Дима вот-вот собирался приступить к диссертации... Уже полгода он тряс меня и делился своим желанием, даже собирал материалы какие-то по выбранной теме, в библиотеки неэлектронные хаживал, реально озаботился вопросом... И начать сей фундаментальный труд для него было лишь вопросом времени. Вот полгода собирается.

...Как объяснить-то? Можно сказать, что по профессии я врач. Но являюсь ли я буквально тем, кто лечит? Клятву, не забытую Гиппократову клятву я давал, причём ещё по окончании «вышки», когда отзубрил километры справочников и целительских опусов и наконец-то перепрыгнул рубеж выпускного теста. Вот только время настоящих врачей-адептов медицины, уже давно миновало.

Да, про настоящих медиков я читывал и видывал в исторической специализированной инфе. Ещё в начале этого века, и в прошлом веке, и раньше, они лечили людей, занимались тем, к чему были призваны. Счастливые!.. В наше время, увы, на исходе столетия, забота о состоянии организма человека практически полностью возлегла на «плечи» роботизированных систем.

Прогресс привёл к тому, что теперь исцеление – просто технологические алгоритмы. Разной степени трудности. От простеньких косметологических и профилактических процедур до сложнейших операций, вплоть до пересадок мозга, каковые стали возможны в две тысячи шестьдесят шестом, через год после моего рождения. Даже с лёгкими манипуляциями, типа лечения ангин и конъюнктивитов, продукты роботехники справляются лучше человека.

Статистика свидетельствует беспристрастно. У хирурга-человека рука может дрогнуть во время проведения операции, но самый примитивный робот, ввиду неспособности к реальным эмоциям, от этого застрахован. Пока что неспособности. Создание искусственного интеллекта благодаря движению против, основанному легендарными Илоном Маском и Стивеном Хокингом, до сих пор не состоялось. Но зато компьютерное программирование давно достигло таких высот, что в приложения и системы закладываются варианты фактически на все случаи жизни.

Да, программы тоже не обходятся совсем без сбоев, но это лишь теоретически, а практика неумолима, ведь машины выверяются на производственных конвейерах с прецизионной точностью, вычищая ошибки из кода, заведённого в «мозги», практически исключая возможность каких-либо аббераций.

Замечательно, конечно, только нам, врачам, при этом что делать? Под «нами» подразумеваются такие, как я, личности, которых угораздило родиться духовными последователями Авиценны, Гиппократа, Пастера, Амосова, Гауза, Филатова и других гениев здравоохранения.

Даже кондитерам, пекарям, булочникам, поварам и прочим из отрасли питания гораздо легче – ещё остались заведения, где готовкой пищи заняты живые люди, а не роботы, туда

можно устроиться, хотя не везде всем желающим хватает мест... Поэтому они сами такие заведения и открывают. Да и в домашних условиях можно наготовить блюд «от пуза».

А нам куда деваться-то?.. Несколько десятилетий не принято уже массово обращаться в ретроклиники, где люди по старинке вместо роботов врачеванием занимаются. Можно, конечно, открыть такую, не обращая внимания на то, что знакомые посчитают дураками и никудышными бизнесменами. Да только ведь пациенты толпой не повалят, вот в чём проблема... По тем же самым причинам не захотят обратиться.

Потому что вероятность ошибки у компьютерных систем на порядки меньше, чем у человека. И это констатирует практика, засвидетельствованная неумолимой статистикой. Гениальные диагносты остались в прошлом, потому что современное медицинское оборудование способно проанализировать все процессы в организме и синтезировать для конкретного больного точную процедуру оперативного вмешательства или лекарство-панацею. Ну, почти панацею.

Только будьте в состоянии оплачивать счета, и гарантировано поддержание здоровья на уровне. Для малоимущих тоже во многих местах имеются методы финансирования, пусть и меньшего перечня услуг.

Можно и аналогию соответствующую провести, опять же, с всякими там кондитерскими-булочными-закусочными. Человек-то может и лишней соли пересыпать, и даже отравить невзначай, а робот по строго заложенной последовательности блюдо готовит и подаёт. Поэтому большинство людей, уже не первое поколение, выросло на робофуде, и они предпочитают не заморачиваться тем, что никакая машина не приготовит шедевр вкуса. Но кулинарное искусство – по-прежнему творчество.

По крайней мере пока есть потребители, которые верят, хотя бы на интуитивном уровне, что компьютер не приготовит шедеврально, – «живые» рестораны, бары и кафе будут пользоваться спросом у гурманов.

А медицину творчеством считать перестали, когда пациенты поняли, что врачебные ошибки, некомпетентность или халатность – немаловажные причины множества смертей на протяжении предыдущих веков – успешно могут устраняться из процесса сохранения здоровья. «Человеческий фактор» слишком дорого обходится там, где речь идёт о сохранности человеческой жизни.

Единственным, а точнее, последним вариантом для применения медицинских талантов остаётся возможность пойти в нелегальные, «пиратские» целители. Всё ещё актуальный способ подлечиться для определённой части малоимущих пациентов или для тех немногих, кто ещё упорствует в убеждении, что доктор-человек справляется со спасением жизней не хуже систем-диагностов, операционных робо-комплексов и автоматизированных фарма-лабораторий. Но с медпиратами в основных странах первого и второго мира борются; искореняют, где-то нещадно, где-то без фанатизма, однако достаточно эффективно. Так что последний вариант подходит скорей для бедных и беднейших, третьего и четвёртого...

Поэтому нам, лицензированным врачам, остались теоретическая и административная сферы медицины. В процессе исследований, конечно, и практические опыты случаются, но разработка новых моделей машин и процессов очень сильно разнится с применением их в массовой лечебной практике.

Вот научными-то исследованиями мы и занимаемся. Без этой возможности станет вообще мутно и беспросветно.

Затем всё, что разрабатываем нового, мы в машинерию внедряем, и утешает лишь одно, что горизонты знаний роботы раздвигать пока не умеют. Спасибо тем, кто в начале века «притормозил» искусственный интеллект... Всё же какими они были счастливыми, врачи предыдущих поколений! Они в реале использовали теоретический багаж для оказания каждодневной помощи больным. Спасали жизни в буквальном смысле.

Хотя там тоже нюансы были... Если обратиться к соответствующим базам данных, столько всего узнать можно! В том числе практиковалась так называемая «народная медицина», имеющая мало общего с действительным врачеванием. Если такие методы кому-то помогали – это была уже не медицина как таковая, а чистой воды энергезия, область, исследующая биоэнергетические процессы. Тогда всё это списывали на экстрасенсорику.

Ошибочно принимали за медицину народную... Методы-то были действительно «народными», особенно по части излечения «травяными» композитами. Прообразами современных фарма-лабов, пытавшимися подобрать правильное сочетание элементов для редактирующего воздействия на текущие химические процессы организмов.

Да только вряд ли это было медициной – на десяток добросовестных знахарей приходилось сотни шарлатанов, по сути, вредителей, откровенных или опосредованных.

Вдобавок немалое количество дипломированных медиков, официально причисленных к медицине, относились к профессии формально; по сути, занимаясь не излечением больных, а «отрабатыванием зарплаты». Становились они такими по разным причинам. Быть, к примеру, серьёзным практикующим хирургом – более чем нервно, насколько я понял. Как правило, каждый из них хотя бы раз пережил смерть пациента у себя на столе... Или вот ещё, венерология. Каково это, каждый день пялиться на живые гениталии, мужские, женские и даже детские, оценивая, сравнивая, диагностируя. Это сродни занятию патологоанатома. Хотя в морге вообще жуть, с трупами постоянно иметь дело...

Размышления о всяких подобных моментах на меня порой накатывают волной. Вот и в этот день тоже прихлынуло... В принципе день был простым рабочим. От прочих его отличало разве что послекусие кошмарной погони, которую я пережил, когда спал.

Но пугающее сновидение осталось в ночи, а день протекал как всегда. Всё те же единообразные отчёты, их за меня составляет компьютер, я только диктую результаты вслух; беседы с коллегами, обеденный перерыв в автоматической столовой медцентра.

Мы ставим опыты, затем долго и нудно проводим аналитическую работу над результатами... Рутинка. Скрасивал бытие разве что персонал нашей лаборатории. Люди, не «жестянки» вездесущие. Нас было восемь. Каждый – своеобразная личность, но постепенно и я со всеми нашёл общий язык.

С Люцифером особенно. Помню, в первый день он меня случайно облил бактериофагом-187130, опрокинув пробирку на мой комбинезон. Пришлось испытать долгую и весьма неприятную процедуру дезинфекции. В качестве извинения он угостил меня... морковным пивом. Мне понравилось. С тех пор мы после работы частенько захаживаем в эксклюзивную пивнушку на Радиальном проспекте употребить по бокальчику любимшегося напитка.

Остальные в команде похожи на нас с Лютиком – такие же, как и мы, по параметру общих биографических сведений. В смысле, тянуло к медицине, в школьной программе не пропускали занятий по биологическим предметам, в итоге попали на «вышку» по этой специализации и получили дипломы представителей очередной вымирающей профессии.

Преодолевая расстояние от медцентра до пивного заведения, мы с Люцифером проследовали мимо старого моста, миновали отель-небоскрёб, по форме напоминающий ананас, над входом в который зависли, злобно уставившись на прохожих, две горгульи, протопали мимо наземной автобусной остановки, ныне чисто декоративной в этом месте. Свернули в закоулок, стиснутый двумя старыми угловатыми домами, смыкавшимися над ним аркой. Оставалось пройти совсем немного...

Повстречали Владимира. Он торговал книгами – в открытую стоял на улице и предлагал всем желающим выбрать себе что-либо по душе. Душа у него самого, Владимира, к тому, чем он занимался, как говорится, лежала. «Скудный» – антоним к слову, описывающему ассортимент его товара.

Торговец продавал литературу на любой вкус: от современной прозы до бесспорной классики, от лёгкого чтива для домохозяек до философских талмудов, от боевой фантастики до притч Ричарда Баха, от «Чудесного путешествия Нильса Хольгерссона с дикими гусями» до «Путешествий Гулливера», от «Сна в красном тереме» до «Аз победиши»...

Книги предлагались исключительно бумажные, как правило, в хорошо сохранившемся состоянии. Поэтому Владимир для книголюбов города, читающих раритеты на бумаге, являлся настоящим сокровищем.

Причём по закону вроде как заниматься тем, что он делает, в особенности таким способом, каким он торгует, не разрешено, однако полиция делает вид, что не замечает. Хотя униформенных на улицах Гордого предостаточно, никто из сотрудников и не пытался «сбить мзду» с книготорговца или официально привлечь его к законной ответственности. Такое положение вещей как-то само собой сложилось. Некоторые из стражей порядка даже закупались у него.

Сейчас Владимир уже сворачивался. Обручалка у него на пальце есть, с этим ясно – дома ждёт семья, возможно, мягкая постель и горячее на ужин. Примерно до полуночи на улицах людей находится предостаточно, и даже таких прохожих, которые могут купить книги. Полицейский контингент всё-таки давно не такой, каким был когда-то. Бабушка рассказывала, что «менты» до разделения ещё хуже преступников себя вели, и тогда в позднее время по улицам без опаски погулять особо не получалось.

Это я к тому, что у Владимира был бы смысл задерживаться и торговать подольше... если бы он хотел.

На нём неизменная гавайская рубашка, две верхние пуговицы которой всегда вальяжно расстегнуты, шорты, шлёпанцы и кепка, которую он сейчас снял и держал в руке, наблюдая, как его андроид загружает товар в машину. Снял, потому что солнце уже не жарило, как днём, оно почти ушло на ночной отдых. А днём палило сильно, не зря же Владимир постоянно загорелый.

Кстати, один из факторов его успеха у девушек, они постоянно обращают внимание на колоритного уличного торговца... Эта проблема обычно разрешалась как бы сама собой. Когда заинтересованная девица начинала кокетничать, Владимир выставлял напоказ кольцо, и обычно это действовало. А наглых можно было внаглую же и отшивать... Правда, нередко попадались и особы, подходившие из чистого интереса к книгам, или более к книгам, чем к Владимиру. Всё-таки не все бабы – дуры. К счастью для человечества.

– Привет! – поздоровался я. – Закругляешься?

– Салют, библиотекарь! – добавил Лютик.

– Да, – подтвердил Владимир. – Привет, привет, врачеватели тел.

Он так зовёт нас. Подразумевая, что врачеватель душ – это он с его книжками.

Торговец взял стопку книг и пошёл к элмобилю, помогая робогрузчику.

Вернулся к складному прилавку и традиционно спросил:

– Вам что-нибудь подобрать?

У нас, рядовых медицинских научных, жалованье которым выплачивается из бюджета нашего мегаполиса, доходы далеко не те, чтобы регулярно позволять себе недешёвые раритеты. Владимир это понимает, само собой, и всегда готов сделать нам скидки. Другое дело, что мы с Люцифером читатели узкоспециализированные и в основном не бумажные, а электронные тексты употребляем. Не художественные обычно.

Я не ответил, но спонтанно зацепил какой-то томик, ощутив желание угодить торговцу-коллекционеру. Он занимается тем, что лично мне по сердцу, хотя сам я мало приобщён к художественной литературе, большую часть времени отнимает наука. Конечно, я не полный профан в этом плане, Онегина от Раскольникова и Грэя Унайтера от Язона Динальта отличить смогу. Моё творчество в иных сферах пролегает.

Как выразился однажды Лютик, «в списки расшифрованных загадок природы мы, учёные, стремимся добавить новые позиции и потому ищем шифры, которые ещё не разгаданы до нас».

Не понаслышке знакомо мне ощущение творческого воодушевления, кого-то побуждающее писать картины, книги, создавать музыку, снимать визуальные произведения, приумножать сетевой контент, а кого-то – охотиться за нерасшифрованными тайнами бытия...

А Владимир – он торговец наркотиками, только наоборот. Не загрязняет город, но облагораживает. Неожиданная ассоциация! Литература как полезный наркотик для избранных. Тоже способна захватить и ввести в особое состояние, когда вполне реальным становится то, чего в буквальном смысле не существует.

Желание приобрести книгу оформилось окончательно, я потянулся ладонью к браслету терминала, чтобы перевести сумму торговцу, и в этот миг наконец-то увидел название томика, который случайно выбрал.

Это оказалась «Звёздочка». Кажется, самый первый роман автора, позднее подарившего этому миру трилогию «Аз победиши». Эпический романище о Грэе и Марине, у которого был очень трудный путь к читателям, но в итоге триумфальный и оцененный по достоинству как лучшая книга о любви всех времён и народов, я читал, естественно. И не так уж давно, точно не в рамках школьной программы, как большинство. Я-то в школе медицинские справочники штудировать предпочитал... И хорошо, что не в юности прочёл, тогда слишком рано было бы для адекватного понимания.

И вот держу в руке книжку, с которой, по сути, начиналась история создания «Аз...»...

Всё-таки есть в бумажных книгах своя магия. Только не всем её дано понять. Никакая электронная копия не сравнится. Да, в сети можно найти и получить что угодно, любую инфу в пару кликов, но, может, эта легкодоступность во многом и портит ощущение. Типа как разница между девушкой, чьего внимания упорно добивался, и одноразовой девицей, «снятой» в ночном клубе и сразу же прыгнувшей в койку.

...В баре под названием «Бродвей» у нас с Люцифером два любимых столика. Один стоял в углу близ внешней стеклянной стены, но когда он бывал занят, мы садились за один из средних столов.

В этот раз – свободен. Потому мы проследовали к стене и устроились там. Рядом с угловым столиком располагались два кресла и запасной квадратный пуфик, который обычно пустовал. Мы расселись в кресла. Не поворачивая голов, сквозь прозрачные стены могли при желании наблюдать, как понемногу меркнут улицы, скрещивающиеся снаружи перед нашим углом.

Нам по обычаю принесли меню, хотя официантки прекрасно знали, что именно мы закажем. Страницы можно было трогать жирными руками. Отпечатки долго не держались, поверхности покрыты специальным составом.

Заказываем мы с корешем пиво из выращенной в полях экологически чистой моркови, естественно. «Carrot beer», коротко говоря.

Пока нам наливают, мы с Люцифером начинаем разговаривать. Когда люди многое друг о друге уже знают, они начинают делиться своими взглядами на различные сферы бытия и сознания. Если взгляды сходятся – хорошо, если нет – интересно. Вообще всё друг о друге знать нереально, да и рано или поздно рассказы об уже случившемся надоедают. Узнавая же мнение собеседника по какому-либо вопросу, этого человека можно узнавать лучше, чем если бы он сам о себе рассказывал.

«Бродвей» был всё таким же, как прежде. Таким я его увидел во время первого визита сюда. Квадратные разноцветные столы блестят в свечении ламп, стулья перед барной стойкой никогда не пустуют, из акустических преобразователей льётся классическая музыка как минимум столетней с лишком давности, что-нибудь типа альбомов «Пинк Флойда», песен «Скря-

бина» или композиций Стинга, по залу плывёт гомон общающихся посетителей, но не напрягающий, а обволакивающий, гипнотизирующий, к такому слух тотчас приспосабливается.

Клиентура здесь спокойная. В основном люди за тридцать пять и больше, хотя и молодёжи хватает. В смысле тех, кто даже младше нас с Лютиком, а мы четвертаки уже далеко не вчера разменяли. Но буйная молодёжь сюда не заходит. Кому не хватает приключений, те в это время суток предпочитают шастать по увеселительным заведениям другого пошиба. В общем, двум медикам, которые зашли в «Бродвей» выпить морковного пива и расслабиться, здесь комфортно по умолчанию.

Морковное на вкус похоже на сок из неё самой, морковки, этого не избежать, но при этом напиток хмелящий. Имеет характерную «кислую» нотку в послевкусии, свидетельствующую о наличии алкоголя... Для тех, кто распробует, – «кэррот бир» отличный выбор.

– А помнишь, старина?..

О, это уже другая стадия разговора!

Когда общаются двое, имеющие полное право называть друг друга «старина», у которых в прошлом много пережитых вместе ярких моментов, и без лишних слов всё ясно.

– Это было незабываемо, брат!

Обычно ответ бывает таким, ну или чем-то в подобном ключе.

* * *

Буря начала утихомириваться где-то к середине ночи, окончательно утомившись лишь под утро. Я не спал и не сплю в привычном смысле этого слова. Лежу, напряжённо вслушиваясь в окружающую обстановку, то открывая, то закрывая глаза, иногда проваливаясь в дрему.

Я понимаю, что нахожусь в зыбком положении: найденный дом не безопасен, он не защищён должным образом от напастей внешнего мира. Даже крыша протекает, хотя главное не это, а уязвимость перед более существенными неприятностями. Да и внутри может таиться что угодно, я же не залезал во все тёмные углы. А в любом из них с лёгкостью скроется коварный монстр...

Пролежав некоторое время на голом полу, я чуток восстановил силы, после чего развернул спальник и упаковался в него. К тому времени, когда начало светать, я всё же смог полноценно заснуть. Сон получился тревожный и неглубокий, но в нём хотя бы голоса отсутствовали.

Пробуждение наступает не раньше полудня. Тягучий сон уходит нехотя. Наконец я выбираюсь из спальника и выглядываю в окно. Склон испещрён пятнами луж и блестит полосками ручейков, в отдалении шевелятся кроны деревьев. Тучи разошлись. Небо синее, солнце поднялось, вошло во вкус и сияет, блин, как сверхновая. Надо продолжать путь...

Я присаживаюсь на расстеленный спальный мешок, скрестив ноги в позе по-турецки, прикрываю веки, очищаю сознание от мыслей и прислушиваюсь к ощущениям. Кажется, моя цель ещё очень далеко. В смысле, то самое место, куда мне нужно в итоге добраться. Предоставлен я сам себе и теперь целиком и полностью могу посвятить силы и время выполнению задачи.

Какой именно? По ходу дела разберусь.

Главное, не останавливаться.

Внутренний голос молчит, но не исчез совсем. Именно помалкивает пока. Эдак многозначительно.

Выйдя из состояния внутреннего сосредоточения, я съедаю кое-что из запаса пищи. Покидая строение, выбираю направление и начинаю путь... Внезапно в груди разливается странный холодок.

Я поднимаю с земли камень и бросаю его прямо перед собой. Тут же в нескольких метрах от меня голубым зигзагом лупит разряд молнии, и кусок породы становится пеплом.

Узрев возмутительное непотребство, оторопеваю – в благодатную погоду как-то совсем не ожидаешь увидеть молнию. Кажется, при такой погоде её вообще не должно быть. Однако я верю глазам, а не обманчивости пейзажа, и своим ощущениям и потому делаю, как инструктировал старик, перед тем как отправить меня в Отчуждение.

Полоса впереди оказывается густо усеянной участками ненормального пространства.

Оружие готово к бою. Я не знаю, сколько ещё на моём пути встретится всяких страшных монстров, не знаю, повезёт ли мне в противостоянии с ними так же, как повезло в предыдущих. Я не строю ложных иллюзий, осознаю, что хорошим бойцом не являюсь, и в том, что уцелел при столкновении с жуткими существами, решающую роль сыграли именно счастливые совпадения.

Но как бы оно там и тут ни было, я твёрдо знаю одно: если кто-то вдруг возникнет на моём пути с намерением прервать его, я вскину винтовку и выстрелю. Если успею.

Попытаюсь успеть.

Ведь жизнь это череда попыток, успешных или провальных, как повезёт... Не более.

Но и не менее.

Даже если промахнусь, даже если не хватит боезапаса и огневой мощи – попытаюсь.

Потому что я не погибать сюда шёл, точно. Хотя уже как минимум дважды побывал в миллиметре от неминуемой гибели. Чудом пронесло, и тётка в чёрном балахоне с косой проковыляла мимо, подарив мне некоторую фору... В следующий раз буду готов. И постараюсь отвоевать у старухи ещё немного времени.

Я иду вперёд, но не прямо. По извилистой траектории, огибая участки, в которых с физической материей что только не творится... В таких ненормальных местах пространство может изменяться как угодно, это воочию заметно на примере происходящего с брошенными в них предметами, в частности камнями. Некоторые изменённые фрагменты я замечаю на расстоянии, невооружённым глазом, а некоторые выглядят как обычный воздух или почва и проявляют себя лишь при контакте с чем-то материальным.

С этой целью и приходится предварительно «прошупывать» землю и атмосферу перед собой, чтобы ненароком не вляпаться в какую-нибудь «раковую клетку» пространства. Всё, что происходит в подобных, подвергшихся чужеродному воздействию локальных областях, является в прямом смысле аномальным, поскольку не укладывается ни в какие известные мне законы физики. Оно не подчиняется логике, привычной для нормальной среды обитания. Земной, так сказать.

Наблюдая за аномальными проявлениями, я особенно чётко осознаю, что обычный мир остался позади и недоступен. Единственный способ удержаться на плаву здесь – приспособиться. Как-нибудь приноровиться к бурлящему хаосу, отыскать то, что мне нужно, в окружающем бардаке. Не лишившись рассудка в сошедшем с ума пространственно-временном континууме.

У меня есть цель, и ради её достижения я должен во что бы то ни стало выжить и сохранить разумность.

Убеждение, что достигать будет гораздо сложнее, чем представлялось, с каждой минутой усиливается...

Происходящее противоречит всем постулатам, тождествам, аксиомам об энергии, гравитации, тяготении и прочих слагаемых мироздания, ранее казавшихся непреложными. Метаморфозы, творящиеся с тканью реальности в локальных средоточиях чужеродного естества, нагло бросают вызов устоявшейся системе взглядов. Даже взглядов такого человека, который в принципе открыт для восприятия новизны и не ограждает себя заборами уверенности в том, что он уже повидал и познал всё, что только можно было узнать на этом свете.

Честно признаться, я до сих пор не уверен до конца, что это всё происходит со мной наяву. Предполагать, что оно мне снится, уже как-то не оригинально... Быть может, я сам

кому-то снюсь? Просто оказался в чьём-то сне? Но если я часть чьего-то сновидения и сам при этом не сплю, соответственно для меня всё, что творится вокруг, – реальность. И как мне, заточённому внутри неё, вырваться из чужого сна?.. Разве что попробовать пробудить спящего и видящего сон. Достучаться до него отсюда, с этой стороны...

Тут я ловлю себя на том, что несу какую-то чепуху. Стараюсь выбросить дурацкие мысли из головы, но это очень трудно. Ежеминутно продолжаю поражаться невиданным фокусам с пространством, творящимся прямо у меня на глазах.

Вот, например, область воздуха объёмом где-то два кубометра в высоту-ширину-длину вдруг зеленеет, внутри неё вспыхивает нечто вроде искр, брошенный мною камешек замирает в самом центре и на протяжении доброй минуты... истаивает, как самое что ни на есть мороженое на солнце! Как на такое реагировать?! Ещё минута, искажение теряет зелёный оттенок, от камня и следа не осталось, воздух становится с виду нормальным.

Как и любой другой воздух, которым дышат люди там, вне границы, ограждающей отчуждённую территорию от нормального мира. Но следующий брошенный камень постигает та же участь. После чего как ни в чём не бывало видимость опять приходит в норму.

Очевидно, я наблюдаю безвозвратно изменённые фрагменты пространства, опасные для жизни человека, да и любого живого существа. Разве что... насчёт некоторых монструозных экземпляров не уверен. Живучесть у них может оказаться запредельной.

Не мудрствуя лукаво, для краткости я придумываю и ввожу очевидный, просившийся на язык разговорный термин: «изменки». Изменённые места и объёмы, в которых сущее приобретает новые свойства, функционирует вопреки привычным земным закономерностям. В физическом пространстве по воздуху бежит зримая рябь, или вдруг из ниоткуда рождаются огонь либо электрические разряды, или любой попавший в эпицентр воздействия предмет энергично выталкивается вверх или отбрасывается в сторону... И это далеко не самые шокирующие примеры того, что я набрал в копилку наблюдений достаточно скоро, пройдя совсем немного по Отчуждению.

Физическое пространство в локальных участках выделяет порой такие номера, что приходится потом подбирать отвисшую челюсть. Изменённое... значит, искажённое физическое пространство... из первых букв трёх слов сложилась аббревиатура: ИФП. Вот и ещё один термин, более научно выглядящий. Да уж, привычки мои неистребимы, научник «яйцеголовый»! Даже в самые ответственные моменты ухитряюсь искать объяснения, ассоциативно классифицировать и развешивать ярлыки.

Продублированный бросок камня позволяет мне хорошо запомнить, где находятся пределы «зелёнки». Я собираюсь проследовать вдоль неё, но, когда подхожу на метр, она почему-то вновь активизируется, хотя я ничего в неё не бросил. Отступаю на пару шагов назад и дожидаясь, пока ненормальное образование успокоится. Поразмыслив, решаю не испытывать судьбу и обогнуть, пройти подальше от неё.

Но как назло, между нею и соседними изменками зазор узкий, с обеих сторон не более метра-полтора. Поэтому я вынужден двигаться в обход и «соседок». На определение их размеров тратится немалое количество дополнительного времени.

Зато всё-таки удаётся выкрутиться из сложного лабиринта, а дальше частота расположения ненормальных ИФП убавляется. Само собой, я всё равно держу ухо востро, смотрю во все глаза и пытаюсь вчувствоваться в окружающую среду изо всех сил.

В какой-то момент внутренний голос активизируется и настойчиво трубит об опасности. Интуиция это всполошилась или что иное, не суть, но я моментально покрываюсь ознобными мурашками и на всякий случай перехватываю винтовку, изготавливаясь стрелять, если что... Однако ни впереди, ни по сторонам явной угрозы не заметно, поэтому я оборачиваюсь назад. Чтобы ошеломлённо узнать – за мной движется... аномальность! Изменка вполне зрима, этакое

клубящееся мутно-сизое почти прозрачное облачко, однако не пребывает стабильно на одном и том же месте.

Демон раздери! Она перемещается, скользит по земле.

Подобные «мутности» я уже миновал раньше. Они различались размерами и мощностью, но смотрелись однотипными. Я назвал их «жернова». Похожие облачка втягивали в свои нутра брошенные мной камешки и комья глины, едва коснувшиеся их, и буквально смалывали в порошок.

Но раньше все они находились на своих местах и никуда не смещались! В отличие от этого...

Меня участь быть перемолотым в кровавую пыль не прельстила, и неудивительно, что я не преминул рвать когти. Хорошо ещё, что неусидчивая хрень – первая встретившаяся на моём пути «бродячая» изменка – перемещалась не быстрее идущего в среднем темпе человека и, когда я её засёк, скользила ещё шагах в сорока от меня.

Но вот незадача! Как раз когда я сорвался с места, навстречу мне откуда ни возьмись... выскакивает собака. Да, да, самая натуральная собака, серая и лохматая, только с неестественно синими глазищами, сверкающими как светодиодные фонарики!

И мчится синеглазка прямо на меня. Не будь за моей спиной опасного «жернова», я бы успел, наверно, убежать обратно за баррикаду из аномальных изменений! И если монстрическая псина не сможет каким-то образом их распознать и с разбегу влетит в ловушку, тогда опытным путём проверилось бы моё предположение насчёт запредельной живучес...

* * *

Забываешься, не следишь за тем, сколько уже времени прошло, просто погружаешься в общение с головой, вступаешь в контакт на некоем метафизическом уровне. Становясь с собеседником будто единым целым. Вот как-то так получалось у меня с Люцифером. Он стал мне настоящим другом и неотъемлемой частью жизни.

Хотя внешне совсем не похож на меня. У него светлые, словно пшеница под солнцем, волосы и голубые глаза. Волосы занимали много места на голове, но обычно не спускались ниже ушей. Вечно взъерошенные, нечёсанные, но чистые. В рубашке-поло с никогда не застёгивавшимися пуговичками, с мощными руками, обладающими внушительным рельефом, блуждающей улыбкой на устах, едва заметными усами и бородкой, выдерживаемыми на уровне трёхдневной щетины... Да, вот такой он, мой друг Лютик.

– ...Лил дождь. Трое суток кряду лил дождь, и мы так ни разу и не искупались. Весь отдых проторчали в палатке и сексом занимались... Офигенное лето было.

– И что потом?

– Расстались. Там ничего не могло быть даже и в перспективе. Просто удачно сложились обстоятельства, познакомились, поехали на море и три дня, три ночи... ну, ты понял. Вообще, конечно, она нормальная девчонка, но это был мимолётный роман.

– Зато у обоих остались только приятные воспоминания, – завершил я. – Оно и хорошо, наверно.

– Оно зашибись! – довольно сказал Лютик.

Он не был заядлым бабником, но и постоянной девушки, насколько я знал, у него не имелось, хотя вроде бы вполне симпатичен и неглуп. Преимущественно все его отношения носили такой вот мимолётный характер. Подкатывать к девушкам Люцифер умел, а вот встретить единственную, ту, с которой не секс, а настоящая любовь, ему пока не посчастливилось, выходит. Мне – тоже.

– А никакой настоящей любви и не было... – задумчиво произнёс я вслух.

– Настоящая страсть была, – заявил Лютик уверенно, – и крутое наслаждение. Любовь не обязательно нужна для радости. Если бы все занимались сексом только по любви, девяносто пять процентов ходили бы злыми, озабоченными и неудовлетворёнными. Любовь – она возвышает, и если случится, то желаешь с этим человеком близости в первую очередь, а это не синоним совокупления...

– Не знаю. Знаешь, я недавно понял, что никого из девушек никогда не любил по-настоящему.

– Бросай напрасное самобичевание! Любовь сама тебя найдёт, хоть я и банальность сейчас сказал. Если ты не любил, откуда тогда можешь знать, что такое любовь? А если не знаешь, что это такое, откуда можешь знать, любил или нет?..

Я не нашёлся, что ответить. Своя логика в его словах была. Оставалось только надеяться, что действительно ещё не знаю, и всё лучшее ждёт впереди.

Читал я как-то один роман, называется «Белая ворона». Там герой всё искал чего-то, пытался кому-то что-то доказать, вечно рефлексировал и страдал из-за любви, невзаимной и безответной. В последней главе он бросился с моста. И уже летя в тёмную пропасть воды, наконец осознал, что во всём этом и заключалась истинная прелесть. В пути к цели, а не в обретении её... А меня иногда тоже одолевает безысходность, наваливается депрессуха, когда вить хочется, прямо по-волчьи надрывно завывать, убить себя тянет, разбить голову об стену или прыгнуть с крыши... И тогда я вспоминаю его слова, там он на удивление складно говорит про индивидуальность, про внутреннюю красоту каждого из нас, где он возносит женщин и Человечество, наивный и горячо любимый герой.

Вот только в конце он разбивается. И сей итог никак не изменить. Я же свою судьбу изменить ещё... могу?.. Значит, у меня как раз многоточие пока, а не точка безапельяционная. Хотя и у него тоже многоточие на самом деле... потому что точка, кому-то что-то сказавшая своим примером, оставившая след, превращается в многоточие...

Когда мы с Люцифером вышли на улицу, на мглистом небосводе уже зажглись звёзды. Они перемигивались, привлекая, унося почву из-под ног случайного зрителя. Эти невообразимо далёкие искорки являлись истинным олицетворением безграничности, их ни с чем не сравнить! У меня всегда перехватывает дух, когда я гляжу на звёзды. Хочется оторваться от земли и вознестись туда.

Но такой возможности нет, и приходится мерить шагами землю.

Мы с Лютиком прикупили картошку фри. Идём, хрустим горячими, обалденно вкусно пахнущими ломтиками, вынимая их из красных стаканчиков, пальцы покрылись жиром... Кошмарно вредная пища, конечно, но иногда можно и нужно себе позволять порочные удовольствия. Ночная улица кишела людьми. В это время жизнь в центре города только начиналась.

Роскошные дамочки в натуральных мехах – предметах постоянных нападков экологических активистов, в большей степени справедливых, – торопились на гламурные вечеринки, куда вход только по приглашениям. Рассредоточивался по клубам молодняк – стильные парни и соблазнительные девчонки в мини-юбочках, с торчащими сквозь одежду сосочками. На торговых улицах устраивались распродажи, на главной улице по воскресеньям салют...

И мы с Лютиком стали частью всей этой суеты. Не раздражающей, такой, какой нужно, суеты. Старшему поколению она не по душе, но нам, тем, кто в теме, самое то. Хотя вообще-то уже собирались мы с Димой расходиться по домам. Не потому, что нас там кто-то ждал, у меня родители жили отдельно – папа в другом городе другой страны, а мама в пригороде Гордого, – а про родственников Лютика я особо ничего не знал.

Ну, просто по-хорошему уже пора.

Однако мы смеялись. Не пили много и наркотой не баловались, всё в меру, но повеселиться и поговорить на разные темы никто не мешал – под настроение. Так что мы просто рас-

творились посреди этого моря, затерялись в ночном городе и разошлись уже во второй половине ночи. Помню, что дома кое-как залез в душ, потом кликнул выключателем и укутался в родимое одеяло. День удался, можно сказать.

И вот тогда на меня накатило. Тот сон был переполнен неясными образами, неразборчивыми голосами, обрывками мелодий и клочками изображений, в общем, полная неразбериха, но одно я запомнил явственно, отчётливо: ощущение приближающейся опасности.

Режущее, отрезвляющее, пробирающее.

Это видение было вовсе не случайным, оно несло в себе отчётливый посыл. Подсказывало, что в скором времени произойдёт что-то совсем страшное. Если этому не помешать. Я как бы соприкоснулся с высшими материями и ухитрился заглянуть в будущее. Точнее, мне позволили заглянуть. Но не прямо, а через подсознание; и хотя я толком ничего не разобрал, сделалось очень, очень страшно, прямо леденящая жуть меня заполонила.

Неудивительно. Я там был абсолютно беззащитен и не мог ничему помешать.

Давно ко мне не приходили такие сны, из-за которых следующим вечером боишься ложиться спать. Разве что в детстве случалось, когда тайком насмотришься фильмов ужасов. Но в этот раз произошло нечто гораздо, намного ужаснее, я узрел истинный кошмар, невероятный... Должно было случиться катастрофическое событие, неминуемое, и ничего светлого в грядущем не ощущалось, сплошной мрак.

Однако ещё кое-что произошло. В момент пробуждения у меня в мыслях сформулировалось безапелляционное, чётко очерченное убеждение в том, что я способен надвигающийся ужас предотвратить. Я, именно я. Более того – противодействие грядущему мраку должно стать миссией, придающей смысл моей жизни.

Сон и убеждённость пришли откуда-то оттуда, где всё зарождалось, где таилась забытая опасность, которая теперь дала о себе знать. Что-то запредельное, напрочь вырывающееся за рамки моего субъективного привычного мира. Угроза извне, которая не только меня одного затронет, но и может в корне изменить «планировку» мироздания, в котором я живу, раздавить реальность в тонкий блин.

Да, исполненные тревожным предвестием видения породили твёрдую уверенность, что страшному суждено произойти, и лишь мизерный, формальный шанс оставался, что удастся избежать этого...

Светопреставления. Да, самого настоящего апокалипсиса всеобщего масштаба, тотальной чумы, поражающей многообразные среды обитания. Того, что убивает без разбору всё и вся.

Почему-то именно я выхватил тень информации об этом оттуда, из запределья, и стал как бы посланником того, что передало предупреждение.

Тем избранным, кому из колоды судьбы выпала карта с начертанной участью – бороться.

Может быть, со мной такое стряслось, потому что я словно бы с самого начала осознанного существования готовился к чему-то подобному?.. Воевать предстояло не на стороне небытия, а против него. К этому я и стремился с того момента, когда впервые испытал желание лечить людей, препятствовать смерти. Не позволять тьме гасить свет жизни.

Потом, когда я поуспокоился, то обдумал предупреждение.

Пришёл к выводу, что информацию получил не от Света, условно говоря, а от какой-то другой, промежуточной силы. Чего-то уравновешивающего, позволяющего сосуществовать. Тьма стремилась воцариться и нарушить хрупкий баланс, и тогда наш мир просто исчез бы. Просто не сможет быть на таких условиях.

Оттеснить Тьму, отсрочить конец света, а значит, гибель Человечества... способен ли один-единственный человек?!

Да уж, не думал не гадал, что окажусь центральным персонажем супергеройского сюжета...

Хотя не обязательно один. Я пока знаю слишком мало, чтобы монополизировать героическую миссию. Ответы на этот вопрос, как и на многие другие, предстоит узнать.

Надеюсь, узнаю. Чуть ли не единственное, в чём не сомневаюсь, это в реальности пункта назначения. В моей памяти откуда ни возмись наяву возникла цель, и даже приложилось к ней что-то вроде инструкции по прохождению маршрута.

Голос, который звучал перед самым пробуждением, был разборчив и отчётлив в отличие от других.

«Запомни, ты способен помешать. Если преодолеешь страх, не побоишься отправиться в путь. Чтобы силы смерти не победили, необходимо не пожалеть отдать жизнь. Ты – сможешь?..»

И я бы с лёгким сердцем счёл всю эту приснившуюся жуть бредовым кошмаром, взбурлившим в мозгах из-за того, что накануне перебрал морковного пива или всего, что было за ним... если бы не это вот взявшее меня на слабб напутствие и знание о конкретном пункте назначения.

Минут через десять после того, как я проснулся, позвонил Марлин.

Эти минуты я ошалело переваривал вынесенное из сна.

Лучи солнца уже проливались в окно, озаряя комнату, и не хотелось разлеплять веки, окончательно возвращаться в брненное бытие.

А терминал всё трезвонил, оглашая комнату сигналами вызова... Этот Марлин такой Марлин! Всегда до упора ждёт, до крайнего гудка, до сообщения: «Вызываемый абонент не отвечает». Тот ещё зануда принципиальный, и хотя вслух об этом не говорил, но хорошо знавшие его люди понимали, что основной принцип Марлина: никогда не сдаваться.

Позаимствовать бы мне сейчас у него твердейшей уверенности в собственной правоте.

Щурясь и зевая, я кое-как сполз с постели, подобрёл к дивану, на который бросил одежду, добыл из складок мой «персональник», который на ночь снимаю с руки. Соединился и выдал хрипкое «алло-о-о», незаменимое ещё с той самой поры, когда вообще изобрели голосовую коммуникацию.

– С днём рождения!!! – гаркнул по ту сторону канала связи Марлин.

В первый момент я не смог сообразить, к чему это громогласное поздравление. Но уже во второй меня будто током шандарахнуло. Я встрепенулся, широко распахнул глаза, мысленно возопил: «Какой сегодня день?!» и параллельно вслух исторгнул:

– Что-о?!

– С днюхой, говорю, бродяга! Счастлив будь, здоров, да чтобы по жизни брошенные кубики правильное число выдавали и шарик в загаданную лунку на рулетке ложился, короче, удача чтоб не отворачивалась от тебя! Просыпайся давай, соня!..

– Забыл совсем... – покрутил я головой. – Спасибо, Марлин.

– Подъезжай ко мне, – зазвал старый друган, – посидим, коньячку примем! Без девочек, конечно, но, думаю, скучать не придётся. С глазу на глаз, так сказать, в суровом мужском кругу. Или занят? А то, кажись, суббота, тебе на работу сегодня не...

– Без базара, буду, – ответил я, – через час примерно, я только глаза продрал, – констатировал я, и вслед за этим поневоле вырвалось: – Всю ночь какая-то муть сни...

– Конечно, жду! – перебил собеседник, будто нарочно пресекая мою случайную попытку разгласить эксклюзивное знание, то ли бред, то ли откровение свыше, поди разберись. – Только, если не возражаешь, я пока без тебя пригублю немного. Не терпится этого многозвёздочного красавца откупорить...

– Без проблем, Серёга, только не наберись до моего приезда...

– Ты ж меня знаешь, дружище!

С этими словами Марлин отключился.

«Хорошо хоть, беседа происходила без видеорежима, и тёзка не видел мою физиономию!» – обоснованно подумалось.

Это я вошёл в ванную и посмотрелся в зеркало. Под глазами неслабые мешки, лицо серое. Как будто всю ночь ящики грузил. Да уж, действительно какой-то душливый мрак привиделся... Я встряхнул головой и сунул голову под струю холодной воды. Ничего, пройдёт.

Новый день, новая жизнь, в которой не место глупым ночным страхам. И мысленно самому себе адресовал:

«Поздравляю, однако. На целый год укоротилась твоя дорога к смерти...»

Завтракать не было ни желания, ни острой необходимости, хотя как врач я себе не рекомендовал бы отказываться от утреннего приёма пищи.

Вообще я уже несколько лет не праздновал днюху. Не видел особого смысла торжествовать. Это в детстве хотелось поскорей вырасти, а со временем начал понимать, что взрослая жизнь – ещё не повод для радости.

Но Марлин чуть ли не единственный человек, который с первых классов школы со мной рядом и ухитрился не облажаться ни разу, не предать и не подставить.

Перед визитом к нему я удалил нарощую щетину – к вновь набирающей цикличную популярность касте сторонников бородатости пока не примкнул – и принял прохладный душ. Почистил зубы, сделал пару десятков приседаний, затем вытащил из шкафа одеяние, заготовленное для особенных случаев.

Тёмно-синюю в белую точку-горошек сорочку, элегантно сочетающуюся с чёрными брюками и красной бабочкой. О, бабочка у меня шикарная, усеянная крохотными белыми рисуночками теннисных мячей! Смотрятся они тоже как горошек, но при ближайшем рассмотрении ясно, что именно мячики, с характерными плавно изогнутыми серенькими полосками. Детали зачастую всплывают, лишь когда вплотную к проблеме или явлению приблизишься.

Облачившись в это великолепие, я сделал вызов и подождал прибытия таксокара. Машинка подтянулась минут через пять, за это время я успел покинуть квартиру и спуститься на лифте к выходу на улицу. Забравшись в салон, я озвучил конечный пункт поездки, автоматическое такси рвануло по извилистой ленте проложенной между зданиями дороги, ничуть не менее закрученной, чем американские горки... Маневрируя меж другими электромобилями, я унёсся навстречу приключениям и новым открытиям.

Официально Марлин теперь держал небольшое «живое» кафе. Да, из тех самых заведений для гурманов. Хозяином одного из них и числился мой друг детства и юности.

Это было теперь его увлечением, хотя он не сразу открыл для себя это занятие. С того момента, как получил диплом «вышки», сначала пытался по специальности подвизаться, специализируясь в сетевых ресурсах, но охладел к «словопомолу».

Потом путешествовал по миру в реале и вдруг внезапно для всех – почти, – кто его знал с детства и юности, несколько лет назад ушёл в кулинары. Мы с ним ровесники и вместе вступили в безоговорочно взрослую жизнь, вот только в разных университетах учились, и ориентиры у нас всегда, честно признаться, были несколько разными.

Наверное, именно поэтому до сих пор дружим, не разбежались, не поссорились на почве столкновения интересов. Хотя я вхожу в малое число тех «почти», для которых уход в питейно-кулинарный бизнес внезапным не стал.

Мы с ним в третьем классе уже были закадычными корешами, не разлей вода. Списывали друг у друга уроки, спиной к спине отбивались от представителей враждебных субкультур, процветавших в школе. Помню, как-то раз в седьмом классе нас с ним в туалете зажали старшие пацаны. Не назову точную их численность, но обступить и замкнуть в кольцо нас они смогли. Так Марлин тогда сдёрнул крышку бачка с одного из унитазов и пробил ею башку самого крупного старшеклассника. Эффектно он тогда долбанул, что да, то да-а!.. Кровищей забрызгало весь туалет, осколки крышки долетели до коридора.

А я, воспользовавшись замешательством противников, со всей мочи въехал по яйцам тому, который больше приглянулся. Двоих мы вывели из строя. Против остальных держались как могли, хотя нас не слабо тогда отметелили. У меня весь мир перед глазами расплывался и смотрелся в палитре красных тонов. К тому же, когда мы оба уже свалились, нас хотели макнуть головами в унитазы.

Меня таки сунули лицом в грязную жидкость, никогда не забуду это противное ощущение, а кореша немножко не успели... Хотя он тоже был никакой, и его через каких-то пять секунд ждала та же участь, но внезапно в туалет с визгом вбежала училка, и на этом бой был окончен. Те кретины даже не оставили никого на стрёме. На то и кретины.

Правда, из школы их потом всё-таки не выгнали, дали окончить. Главное, к нам они больше не совались. Кстати, на тот момент Марлина ещё Марлином не звали, прозвище возникло позже, и получил он его в среде не школьной, а уличной. Я с ней соприкоснулся в гораздо меньшей степени, потому что уже с головой окунулся в изучение медицинских наук...

Этот инцидент в туалете я помнил, как ни старался забыть, а не смог.

«Жри!!!» – орал враг, сунувший меня лицом в дерьмо. Голос запечатлелся, и выплеск энергии не забылся, резкий такой, громкий, сквозь кровавое забвение доносящийся... Уже после того, как этот самый тип окончил школу, я сам стал старшеклассником и периодически думал о подходящем случае расправиться с ним. Встретяся он мне где-нибудь в приватной обстановке да на неширокой тропке, уж я бы наверстал, не упустил возможность. Но случайной встрече не суждено было сбыться. А не случайную я не решился организовать.

Наверное, это был мой выбор. Потому что если бы по-настоящему хотел поквитаться с ним, сделал бы всё необходимое. Остальное – отговорки для слабаков. А я ведь не слабак, жизнь подтвердила. Тогда почему всё-таки не?..

«Ладно, уже нет смысла копаться в том эпизоде прошлого, – подумал я, смотря в окно автокара на проносившиеся мимо строения и пейзажи, – свою роль в становлении характера он сыграл, больше я никому не позволял меня унижать, за то и спасибо».

Думаю, что Марлин в отличие от меня поступил бы с обидчиками иначе. Если бы его успели макнуть. Куда более тесное соприкосновение с уличной средой сыграло бы свою роль. То самое, что со временем отправило его в извилистый вояж по планете, закончившийся возвращением и уходом в кулинары. Для прикрытия настоящего бизнеса, связи для которого он по ходу наладил.

...В дневном свете город совершенно преобразился. Сверкали многогранники небоскрёбов, в их зеркалах отражались небеса, шпили словно пронзали небо. Чем больше скорость, тем сильнее смазывается открывающаяся с транспортной эстакады панорама. Здесь, в выси, основное внимание привлекали к себе эти стеклянные исполины, наполненные изнутри разного калибра офисами, квартирами, гостиничными номерами, производственными и жилыми помещениями.

Они, как муравейники, кишели людьми, словно мягкие игрушки наполнителем, были набиты перегородками, креплениями, жалюзи и подобными элементами. Они многообразны подобно живым организмам – по каркасу, росту, внешнему виду...

От бурного двадцатого века сегодняшней день отделило почти столетие, и за это время опомнившиеся мы, земляне, успели исправить немало ошибок предыдущей истории, главное, предотвратили Третью мировую войну и, перейдя на возобновляемые источники энергии, не угробили окончательно экологию.

«Я еду к единственному человеку, которому мог бы рассказать об увиденном СТРАШНОМ сне, – вдруг подумал я, отворачиваясь от проносящегося за окнами города и закрывая глаза. – Но точно понимаю, что не расскажу. Не потому что не поверит и будет смеяться, а потому что разглашение внесёт помехи в миссию...»

Именно в этот момент я внезапно для самого себя поверил, что сон не был бредовым видением. И главное, осознал: меньше всего на свете хочу, чтобы картина этого светлого и, по большому счёту, радостного города, моего Гордого, залилась дерьмом по чьей бы то ни было прихоти.

Пусть даже это намерена вытворить сама космическая тьма.

Может, совсем уж лучшим из миров реальность, пронсящаяся сейчас за бортом такси, и не является, но уж какая есть.

Мой родной мир.

Кому-то же придётся схватить крышку бачка или что там подвернётся под руку, чтобы врагу дать отпор...

Почему в этот раз не мне?

* * *

Преклонив колено, я упираю приклад винтовки в плечо и касаюсь пальцем спускового крючка. Прильнув щекой к прикладу, целюсь, не через оптику, а совмещая целик с мушкой и с мишенью. Попасть я должен, разумеется, в синеокую псину, а не в аномалию.

К этой «бродячей» пришлось повернуться спиной.

Никакой оптики в данной ситуации. Оптическое увеличение, по моему разумению, благоприятно для длинных расстояний, для неторопливой, размеренной стрельбы. Тварь же возникла на дистанции даже не средней, а меньше, и до этого я её не замечал, потому что она пряталась в траве. На таком расстоянии оптический прицел критически сузит обзор, и пока будешь нацеливать цель, время для прицеливания как раз и выйдет.

Да я и не думал о возможности использовать оптику, так как ещё ни разу не присоединил прицельную трубку к винтовке, и вряд ли это удалось бы сделать за пару секунд. Прицел, предоставленный стариком, ждал своего часа в сумке.

Зверюга оказывается расторопнее «жернова», несётся ко мне шустро, с-скотина, поэтому сперва я займусь ею, ибо шанс настичь жертву у неё заметно выше, чем у движущейся изменки. К тому же что делать с перемещающимся участком изменённого пространства, я куда решительно не представляю. Зато как бороться с живым монстром, в теории примерно понятно.

Времени на второй выстрел может не хватить, и нужно целиться наверняка, чтобы не мимо. Вот я и решаю на свою беду подпустить собачище поближе, чтобы выстрелить практически в самый последний момент... Однако, когда нас разделяет всего лишь несколько метров, наши взгляды встречаются. И я замираю за долю секунды до того, как нажать спуск. Пронзительный синий взор твари излучает магическую, магнетическую красоту и одновременно холодно-властен.

В мою голову тотчас обрушиваются потоки образов, мыслей, эмоций, хаотическая каша затмевает картину мира, я не отдаю себе отчёт в действиях... Гипноз типа, понимаю я обескураженно-отстранённо. Рвусь из-под контроля, получается опомниться, но уже поздно. Тварь ударяет лапами мне в грудь и сшибает с ног. Судорожно долбаю по ней прикладом, и не сумею я этого сделать, она вгрызлась бы точно мне в горло. Её слюнявая пасть дышит жаром и нечистотами.

Удар прикладом останавливает псину на пути к моему горлу, вынуждает отпрянуть, даже лишает части зубов. С наскока достать мою шею у монстра не получилось, и он тут же, яростно мотнув башкой, впивается мне в левый бок.

Адская, пронзительная боль дырявит тело насквозь. Я кричу, но ухитряюсь напрячься и обрушить приклад на голову зверя. Удар получается в прямом смысле убийственно-сокрушительным, раскроившим череп, но зубы продолжают находиться в моей плоти, вцепились мёртвой хваткой. Сила сжатия мало что не уменьшилась, наоборот, псина ту же их стиснула за

миг перед смертью... Почти не соображая под воздействием нестерпимых ощущений, перемежая низкие стоны высокими воплями, я вцепляюсь в раскроенную башку и отчаянным рывком кое-как раздвигаю челюсти. Затем толкаю труп от себя, а сам пытаюсь отползти.

Меня обдаёт леденящим морозом. Чувствую, что изменённый, невообразимо перестроенный участок пространства, не пожелавший быть верным константному местоположению, подкрался и теперь совсем рядом... Кочевой «жернов» валяющимся на его пути халявным мясом не побрезговал. С каждой секундой я прихожу в себя, преодолеваю боль. И осознаю, что теперь мне требуется лишь вовремя смыться, пока дрейфующий преследователь отвлекся на оприходование зубастой падали.

Утилизирует и вновь увяжется за мной, зар-раза... Рану страшно жжёт, встать и удержаться на ногах пока не получилось. Я отползаю на карачках, стремясь убраться прочь и забиться в какую-нибудь относительно безопасную дыру.

Как назло, ни зарослей, ни сооружений поблизости не видать. Только море невысокой, по колено, сплошной травы, освещаемой солнцем. Я бросаю перед собой камушки, которыми запасся предусмотрительно, и если происходит аномальная реакция изменённых участков, избегаю их, меняя траекторию движения. Только бы не попались ещё кочующие изменки! Я не знаю точно, на сколько затянется утилизирующая заминка «жернова» и отправится ли он вслед за мной, когда покончит с бывшей собакой, но предполагаю худшее.

Посматривая искоса назад, я вижу, как вначале собачье туловище отрывается от земли, медленно закручивается внутри аномальной области, будто насаженное на гигантский вертикально поставленный шампур, вокруг некоей оси, проходящей в центре аномалии, недоступной восприятию человеческими глазами... Потом невидимые лезвия шинкуют труп зверя на кусочки, и каждый кусочек взрывается фонтанами кровавых брызг. Причём куски не отрываются от тела, а именно отрезаются, примерно одинаковой величины, методично, как опытный повар режет какой-нибудь огурец.

Я не знаю, как поведёт себя обожравшаяся изменка, потому стремлюсь удрать подальше, чтобы она потеряла мой след. Тем более что с третьей попытки мне удаётся встать с карачек, и дальше двигаюсь уже на ногах, пускай и полусогнутых.

Положительное обстоятельство – патроны у меня ещё остались. Хотя в аномалию стрелять бесполезно, но в схватках со здешней фауной они далеко не лишние.

Когда я отдаляюсь больше чем на сто шагов, ещё раз гляжу назад. «Жернов» покончил с пиршеством и сейчас замер на том же месте, словно бы заколебался в нерешительности. Я бы показал ему выставленный из кулака средний палец, но сейчас не в том положении, чтобы выделываться, еле ускользнул, и то ещё не окончательно. Да и просто так поднимать руку изнутри для моего раненого, едва движущегося тела.

А ведь тем временем я постепенно всё больше и больше отдаляюсь от границы, отделяющей мой прежний мир от этой сумасшедшей ненормальности. Отчуждения, в котором мутируют не только живые организмы и растения, но и само пространство...

Спустя час я сижу на вершине небольшого холма. В окружающей местности пролегает речная долина, и рельеф не особенно ровный. Уровень то выше, то ниже перетекает, образуя естественные ложбины и возвышения.

Лицом я повернулся в сторону территории, с которой пришёл, и вижу стебли травы, покачивающиеся в такт пульсациям ветра, кривую дорожку примятой растительности, проделанной мной, тащившимся сюда на брюхе, на четвереньках и на полусогнутых.

«Жернов» остался в той же точке, так и не сдвинулся с места, может, у него послеобеденная сиеста. Уже самый разгар дня, по небу проплывает стая перистых облаков, девственно-белых на удивление.

Наладив дыхание, наконец-то переползаю холм и начинаю спуск по склону с другой стороны, оставив всё, что за спиной, позади. Навсегда. Каждый следующий шаг, каждая проведён-

ная здесь минута сулят сюрпризы, и стремительно набираемый опыт учит меня остерегаться этих подарочков дороги.

И примириться с их неизбежностью.

Куда же я всё-таки попал? Вот в чём вопрос.

В параллельное измерение? Не верится как-то, что вся эта изменённая фантазмагория может твориться непосредственно на нашей планете, Земле. В реальности, которую я совсем недавно считал единственно возможной. Имеющей эксклюзивное право на существование... Но, быть может, перебравшись за границу, обозначенную залитыми временем остатками бетонной ограды, некогда явно впечатляюще исполинских размеров, я покинул родину. Перенёсся куда-то в альтернативную реальность.

В какой-то совсем иной мир.

Такое объяснение ещё как-то укладывалось в голове.

В отличие от невероятной версии, что я всё-таки по-прежнему нахожусь в пределах своей планеты, в родной реальности. Доживая последние денёчки и ночки в моём городе, уже сознавая, что избран некими силами для свершения сверхважной, хоть пока неясной задачи, я передумал всякое. Однако действительные события, мягко говоря, впечатляюще превзошли ожидания.

Так что сейчас я ощутил себя «семечком», покинувшим организм, его породивший. Увлекаемый всесильным ветром в неизвестность, могущую принести как смерть, так и нечто совсем иного плана, улетаю в грядущую... тьму или свет?

Ничего другого не осталось, как просто отдаться воле ветра. Буду следовать по предложенному пути. По крайней мере до пункта назначения, обозначенного условно известными «координатами». А там погляжу. Взбунтоваться и выбрать собственный путь всегда успею.

Если что.

Интересно, а находятся ли здесь люди, кроме меня? «Коренные» обитатели пространственно-временного континуума или заброшенные сюда нелёгкой судьбой пришельцы из моего мира. А то и «третьих» миров?.. Если раздухариться и допустить, что реальностей больше, чем две. «Моя» и «эта», стариком пафосно наречённая Отчуждением, каковое название с его подачи прочно запечатлелось в моей памяти и стало основным.

Доведётся ли мне с людьми пересечься рано или поздно? Или попал в эдакую дикую реальность, в которой человеку вообще-то не место, а вляпаться сюда угораздило только меня... Вопреки страху согласившегося выйти на Дорогу.

Но в таком случае на кой ляд здесь я? Зачем вообще получил возможность убедиться в её существовании? Почему бреду без чёткого понимания в бредовую неизвестность, а не уверенно шагаю по изученному вдоль и поперёк родному городу?

Куча вопросов, и ни единого внятного объяснения. Хотя подозреваю, если мне и удастся найти ответы, они, в свою очередь, породят следующую волну вопросов...

У подножия холма, по ту сторону, я решаюсь сделать привал и наконец заняться раной. Это следовало сделать незамедлительно после её получения, но если бы я не убрался подальше с места схватки, чем демон не шутит, ждала бы меня участь очередного «огурца» на разделочном столе дьявольского повара... Я медик, и перечень действий по обработке места укуса для меня ясен и прозрачен.

Ого! Наконец-то я попал в условия, где на владение «вымирающей» профессией грех жаловаться. Сбылась мечта идиота?

Подняв одежду и добравшись до раны, я первым делом смотрю, не осталось ли в ней звериных зубов. Их не обнаружилось – уже хорошо! У псины крепкие, крупные клыки, на то и «канис люпус фамилиас». Будь они помельче, типа крысиных, часть зубов вполне могла бы остаться во мне.

Во-первых, вытаскивать их – тот ещё геморрой, во-вторых, будет потеряно время, а значит, и определённое количество крови, в-третьих, они бы дополнительно раздражали нервные каналы и явно не положительно повлияли бы на вероятность заражения крови. Но раз этого не произошло, я не стал на этом заикливаться и продолжаю анализ.

Рана средней глубины, не лёгкий порез, но, к примеру, пуля бы проникла значительно дальше. Однако поражённая поверхность немалая, к тому же она рваная, неоднородная. Крови много натекло, и сейчас я ощущаю труднооборимую слабость, рассудок слегка мутится... К счастью, времена, когда доводилось в полевых условиях штопать раны иглой вручную, давно прошли. Теперь они достояние учебников по истории медицины.

Я вытаскиваю адсорб-шприц из мобильного медкомплекта, продвинутой «аптечки». Заряжаю в устройство нужную ампулу, подношу зев к участку кожи сантиметра на два правее от края раны... нажатие сенсора, впрыск, и состав проникает под кожу. Обеззараживающий раствор должен вычистить инфекцию, которую могло занести с раной. Только надо успеть ввести его не позже, чем минут через сорок после инцидента.

В моём же случае миновало не более получаса. После впрыска я капаю на рану чётко отмеренное количество сферокапсул активного силикона и накладываю специальный обезболивающий компресс. Боль снимает как мановением руки волшебника, минуты через три, причём я не перестаю ощущать сам бок; не чувствуется только боль.

Этот «хитрый» компресс блокирует идущие в мозг сигналы о боли, «подменяя» их своими сигналами, обманывая соответствующие зоны «центрального процессора».

Вот-вот начнётся акт исцеления...

И оно грянуло! Меня вдруг задёргало изнутри, словно проявились симптомы ДЦП или я попал под воздействие какой-нибудь разновидности «кайфовых» снадобий. Во рту моментально пересыхает; бешеный выброс адреналина; по телу струями льётся пот, в глазах роятся яркие искры, изнутри обжигает кипятком. Я-то был к взрыву готов и посему психологически выдерживаю спокойно, а неискушённый человек мог бы от неожиданности обалдеть. К физиологическим проявлениям добавилось бы и резкое падение морального состояния.

Длится бурное лихорадочное «телотрясение» минут десять. Когда я наконец перестаю дёргаться, от раны остаются малозаметные следы. Запёкшаяся кровь, розоватый ореол... Подействовал «органический клей», десять лет назад явленный свету японскими научными умами. У нас его предпочитают звать активным силиконом. Безусловно, пик достижений хирургической технологии, и по сей день непревзойдённый.

Разве что за десятилетие он сделался гораздо доступнее, даже обычные люди научились с ним обращаться. «Оргаклей» стал неотъемлемым элементом в аптечке. С царапинами и порезами лёгкой степени справляется в два счёта, помогает и в более серьёзных ситуациях.

Но ни в коем случае не является панацеей! Нюанс в том, что он затягивает, в ускоренном темпе сращивает рану, однако не способен, к примеру, нейтрализовать яд или вытолкнуть наружу засевший где-то внутри осколок. Так что при неправильном обращении можно и усугубить положение пострадавшего, вплоть до летального исхода.

Ибо горе тому, кто переборщит с ним! Хотя бы на пару капель. Помимо того что потом на этом месте останется безобразный «нарост», отторгаемый организмом, который обязательно нужно будет удалить, ещё и «торкнет» втройне.

Случаются жёсткие перегрузы, такие, что могут инсульт или что-то похожее спровоцировать. Поэтому введено правило – всегда капать на одну каплю меньше, и оттого напоминание о ране ещё сохраняется некоторое время, в виде шрамика. Пробирало от этой штуки и без того не слабо, даже если правило чётко соблюдать.

Колбасит меня натурально, пока целительное действие свершается... Но встаю я бодро, как новенький, правда, измождённый, потому что организму изрядно энергии пришлось затра-

тить в процессе работы «клея». Хотя закономерная усталость – меньшее из допустимых зол. При данном раскладе.

Активный силикон ожидаемо справился с задачей, у него безупречная репутация на этот счёт, при условии, если применять со знанием дела. Повреждённые ткани восстановились, рана экстренно по большей части зажила. Окончательно она исчезнет уже «своим ходом», спустя несколько суток, и в этом помощь удивительного «клея» ей не понадобится. Организм самостоятельно наверстает за ту самую недостающую каплю.

Теперь я могу идти, а не ковылять. Однако до вечера бок ещё будет отзываться на каждое движение тупой болью. Цветочки по сравнению с тем, что меня ждало без чудотворного «клея». Без – могло быть всё, что угодно, от загноения раны до банальной кончины по причине чрезмерной потери крови. Моя жизнь зависела бы от слепого случая.

Итак, неудача опять обошла меня стороной, за что ей отдельное спасибо, но больше я благодарен всё же Удаче, за то, что не покинула.

Уверенными шагами я продолжаю движение. Впереди, метрах в трёхстах, ещё один холм. Решаю следовать к нему. Далеко справа заметен лес, далеко влево простирается ровная луговая местность. Равнина, покрытая травой, теряется за горизонтом. Я оба этих сторонних направления игнорирую, придерживаясь решения не плутать, а держаться, пока возможно, избранного однажды курса. Авось и приду куда-нибудь, а после – куда надо.

Ложбина меж двумя холмистыми возвышениями, как и ожидалось, помимо растительности обильно заполнена изменками. Эти локальные искажения пространства, похоже, в здешней реальности встречаются едва ли не на каждом шагу, не давая расслабиться случайному захожему вроде меня.

Правда, у меня появляются кое-какие сомнения, а случайному ли... За время моего следования по этим весям я всё же не заметил ничего действительно иного. Наблюдения не подтверждают полного отличия от нормы, воистину подпадающего под критерий «отчуждённости». Здесь, насколько я вижу и чувствую, «подредактирована» флора и «перерисованы» декорации, однако общее содержание осталось.

В окружающей среде вполне узнаваемы и признаки моего нормального мира тоже. Окружение походит на обычные параметры моей Земли, в которые попала примесь, но только примесь чего-то чуждого... Как будто кого-то не устраивал существующий порядок, и он сработал альтернативный мир по своим чертежам. Переделал некоторые вещи и явления по своему хотению. Та же собака, во время нападения на меня бывшая уже не просто собакой, всё-таки первоначально была собакой... Или нет?

Всё это досужие рассуждения, хитросплетения мыслей. Не на этом нужно акцентироваться, вовсе нет. Вот только переполняет! Нахлынуло фантастических впечатлений, а я даже поделиться ими не могу ни с кем. Да уж, чего мне действительно не хватает, так это верного напарника, осознаю я ностальгически.

Такого, как Марлин или Лютик, например. Вместе с ними и в пекло лезть было бы не так страшно... Но я сунулся сюда в одиночку, это только моё испытание. Если выдержу, справлюсь – хорошо, значит, не зря. Если нет... что ж, значит, судьба такая.

Останется мой тлен здесь гнить, если хоть останки будут, и никто там, дома, даже не узнает, где я и что со мной приключилось. И Машу никогда больше не увижу... И Нелли... Хм, а каково бы мне пришлось, если бы кто-то из них тоже сюда... Я бы не дал обидеть? Ни в коем случае НЕ. Да и себя тоже – не дам.

А может, я как бы «откололся»? И в тот миг, когда переступил граничную черту, там, в оставшемся позади на дороге мире, появился мой двойник. В реальности, куда мне в ближайшем времени точно не вернуться, он кушает, спит, общается по «Телеграм» с мамой, пьёт пиво с Лютиком, занимается рутинными исследованиями, пытается выбрать, кого полюбить... Короче, делает всё то же, что и я.

Никто и не заметит моего отсутствия. Никто не уловит подмены. Может, двойник даже «умрёт» когда-то, совсем как реальный человек, угодит под машину, например.

У-у, да это прям идея для сюжета фантастического романа!.. Так, стоп. Я непомерным волевым усилием упорядочиваю ураган, творящийся у меня в голове. Откидываю лишние мысли. Настраиваю себя на нужный лад. Теперь мысли должны являться строго по делу, отчётливо, не отвлекая на левые темы. Так-то лучше.

«Когда имеешь дело с этими ИФП, – подмечаю я, – нужно оставаться донельзя собранным. Начнёшь витать в облаках, поставишь процесс прокладывания тропы на «автоматический режим», и коварные ловушки, подстерегающие на пути, не простят. Нужно не упускать ни единого признака, вбирать всю поступающую из окружающей среды информацию всеми доступными органами чувств и анализировать собранный «урожай». Если от тебя ускользнёт, по неопытности либо по невнимательности, даже самая мелочь, это может поставить под угрозу твою жизнь. Таковы здешние правила, получается так. Хотя вроде нет гарантии, что даже если ты на сто процентов собран, то все ненормальные штуки распознаешь. Наверняка могут попасться и такие искажения, которые ни вычислить, ни даже просто почувствовать не удастся... Но идти-то надо, ничего не попишешь. И глаз «замыливаться» не должен, даже за мимолётную утрату бдительности в настолько жёстких условиях можно поплатиться головой. А тебе нужно выжить и дойти, и поэтому иди вперёд, только вперёд...»

Я не знаю, почему в этом абсолютно уверен, но идти назад никакой возможности нет. Развернуться и пойти обратно к границе «по своим же следам» я теоретически могу в любую секунду. Но практически – не доберусь до бетонной преграды, точно погибну раньше. Существующий для меня выход не сзади, а впереди...

Интересно, где я буду пережидать следующую ночь? Если дотяну, конечно. Похоже, если никаких строений или других подходящих укрытий не встретится, мне придётся возвращаться в то место, где я уже кантовался... Одному спать на открытом пространстве – нет уж. Вот если бы шёл в компании со спутником, снова посетовал я, можно было бы сторожить друг друга, сменяясь по очереди. Ясное дело, с таким компаньоном, которому по-настоящему доверяешь, и он – тебе.

Но так как я всё же брожу сам по себе, придётся постоянно забиваться в какую-нибудь дыру и там пережидать тёмное время суток. Или лучше уж постоянно идти вперёд, не останавливаясь. Судя по всему, ложиться спать на открытом пространстве в Отчуждении – всё равно что безоружному ребёнку остаться без одеяла в спальне, набитой монстрами... Но безостановочно двигаться ведь не получится. Зная мой организм, максимум трое суток продержусь без сна, ну четверо, плюсуя эффект энергетической «подпитки» из аптечки.

А вдруг так быстро к цели я прийти не успею?.. Хорошо, даже если и успею притащиться, как стану там бороться за спасение мира? Исполнять свою миссию, будучи смертельно уставшим и жутко сонным... Или я уже исполняю миссию?

Так или иначе, пусть будет как будет, но насчёт поиска какого-никакого убежища на ночь я определился. Хотя сегодня, в первую свою ночь по эту сторону границы, я, вон, хоть и в настоящем доме схоронился, и то не выспался нормально. Здесь же смерть везде, повсюду, всё время война... Потому я и ворочался большую часть времени, не уходя отсюда, из яви, полностью. Находился в некоем полузабытьи... Но то была первая ночь, самая тяжёлая в моральном плане, наверное. И я дожил до следующего утра.

Другого выхода нет, только привыкнуть, что смерть постоянно трётся под боком, дышит тебе в затылок, азартно обкладывает со всех сторон, нависает с неба. А что делать? Привыкнешь поневоле. Или выйдешь из игры. Тут уж кто как сумеет выкрутиться.

...Я оглядываюсь, когда добираюсь до середины ложбины. Свежеприобретённый опыт научил меня не упускать из виду подходы с тыла. И позади, на холме, с которого уже спустился, я вижу... «жернов»! Готов поклясться, тот самый.

Бродячая пакость всё-таки отправилась за мной. Сейчас, когда я смотрю на изменку, она плавно заскользила вниз по склону. Шустро возобновляю движение, заметно ускорившись. Но проскочить этот фрагмент, совсем не задерживаясь, не получится из-за присутствия других изменений. Иначе слишком велик риск угробиться. Поэтому, прежде чем ступить, приходится тщательно проверять, куда именно.

На то, чтобы перепроверять, времени уже не останется. Когда брошенные наугад камешки и комочки глины попадают не в аномалии, остаются целыми, я продвигаюсь значительно дальше. Иногда приходится, подолгу стоя в одном месте, выверять маршрут с точностью до дециметров. Бросаться в самую гущу изменений сломя голову я не собираюсь.

Во всяком случае, пока преследующий «кочевник» ещё не совсем близко, рано кидаться наутёк. Вот если других вариантов не останется, придётся бежать напропалую, рассчитывая, что не влетишь на всём ходу в какую-нибудь случайно подвернувшуюся «закреплённую» изменку. А пока вариант единственный – не терять темп, уходить от «хвоста», пока не найдётся какой-то способ его сбросить.

Или он сам по себе вдруг исчезнет. Может, впереди будет почище в плане густоты участков ИФП, и даже получится перейти на бег...

Но сначала нужно перебраться через холм. Он приблизительно такой же по высоте, как и предыдущий, большинство изменений сосредоточилось в ложбине, так что подъём не предвещает особых проблем. Наконец-то добравшись к нему, я довольно скоро взбираюсь на вершину. Упорный «жернов», в свою очередь, сейчас примерно в той точке, с которой я его заметил.

Прячусь в траве и осторожно высматриваю, что же меня ожидает по ту сторону холма.

Поле простирается вдаль. Травяной покров теряется на горизонте. От возвышенности тянется полоса шириной примерно с сам холм, на ней отсюда не заметно никаких ИФП. Зато метрах в пятидесяти от меня на этой полосе пасётся какая-то страхолюдина, с виду похоже на кабана, но размером с быка! По краям полосы параллельно друг другу сплошные шеренги из ненормальных искажений. Как и занятая монстром полоса, тянутся они в далёкую неизвестность.

Внизу направо и налево путь наглухо закрыт. Эти изменки, из которых состоят заслоны, отлично просматриваются глазами, и воочию можно определить: они настолько тесно расположены рядком, почти без просветов, что мне там ловить нечего. Настоящие стены из разноцветных пятен почвы, колебаний воздуха, мерцаний света. Сбрендивший дизайнер обмочился бы от восторга, наблюдая «картину маслом».

Поэтому, если я и могу куда-нибудь проследовать, то прямо.

Судя по спокойному поведению, монстр меня до сих пор не учуял. Ага, из-за того, что ветер дует мне в лицо, соображаю я. После чего извлекаю оптический прицел и прикрепляю его к винтовке. С третьей попытки, но справляюсь, приобретаю навык по ходу. Конечно, вожусь я с трубкой, имея намерение воспользоваться замечательной возможностью снять врага отсюда, с верхушки.

Прильнув к прикладу щекой, накрываю голову ненормальной зверюги перекрестием прицела...

Квазикабанище – красавец, естественно. Вполне в духе здешних реалий. Массивные тела в основном покрывает грубая склоченная шерсть цвета среднего между зелёным и коричневым, только там, где ноги соединяются с туловищем, шерсть неожиданно розовая.

Из жирного туловища выпирает голова. Казалось, кто-то разок содрал с неё кожу, а затем небрежно натянул обратно на череп, немного подклеив, чтобы совсем не спадала. Из отвратной башки торчат массивные рога, навевающие ассоциацию с бейсбольными битами; чуть пониже, под тем же углом загибаясь и аналогичным образом, параллельно рогам, вздымаясь вверх, берут начало из зева пасти два бивня. В отличие от рогов они покороче, зато потолще.

Вообще от обычного кабана этот, на первый взгляд издали, отличался несильно – окрас другой, размеры, да, а больше и ничем особо. Ну да, форма черепа отчётливо неправильная, и вообще «скафандр» о-го-го, даже бронебойным снарядом доколоться до внутренних органов ещё надо постараться. Обычный, НАШ, кабан таким не похвастается. Разве что очень «прокачанный», шибко «навороченный» секач какой-нибудь... Насколько я знаю.

Мне доводилось бывать на экскурсиях в заповедниках. Там можно было непосредственно понаблюдать за дикими свинками, мы с гидом в комбезах-хамелеонах, облитые специальными ферментами, могли устроиться шагах в пяти от зверя, и он нас не чуял. Но сейчас никаких тебе ферментов и плащей, позволяющих слиться со средой. И мимо кабана просто так мне не прокрасться. Придётся убивать некстати подвернувшуюся животину.

И тут-то отличия второй «картинки» от первой, присущей моей родине, сделались наглядны, будто обведённые красными кружками в разделе ответов. Дело в том, что хоть я и честно прицелился, собираясь с первого выстрела поразить мишень, но в последний миг, когда палец уже начал давить спуск, откуда ни возьмись налетел шквал ветра. Я привычно, знакомо по участию в прошлых охотах, выжал спусковой крючок и зажмурился сразу после выстрела.

Когда через секунду открыл глаза, кабанище уже нёсся на меня пробивным тараном. Хотя я, похоже, его даже не ранил, пуля улетела куда-то выше либо в сторону от головы. Если ранить обычного кабана, он не успокоится, пока не доберётся до стрелявшего, если же его не ранить, а пустить пулю рядом, недалеко от него, он скроется подальше от опасности – такова известная охотничья премудрость.

Так или иначе, нет времени разбираться.

Ненормальное животное преодолевает половину расстояния за считанные секунды. Кто бы мог подумать, с его-то габаритами! Я до этого видал, как бегают кабаны, очень приличную скорость набирают, но этот гад несётся гораздо быстрее тех, что обитают в моём мире.

Ошмётки травы и комья почвы разлетаются в стороны из-под его копыт. Кабан истошно, душераздирающе ревёт. Подавив инстинктивный порыв кинуться наутёк, я повторно прицеливаюсь и стреляю.

Кажется, удаётся ранить монстра. Он подскакивает, существенно замедляет бег, но не останавливает движение. Сзади на меня тем временем надвигается погибель – «кочевое» ИФП. Что ж, двум смертям не бывать! На свой страх и риск бросаюсь вперёд, вниз по склону, только не прямо на кабана, а с уклоном траектории влево.

И сразу нарываюсь на непредвиденное осложнение.

Ещё один такой же урод! Сейчас он тоже чапает ко мне с намерением насадить на свои причиндалы, бивни и рога, я имею в виду. Второй залегал в траве, дрых, наверное, я его в зарослях не заметил в отличие от кабана, активно пасшегося на поле.

Хреново! Фактор появления второго зверя активно против меня. Если бы я всех сразу увидел, тогда бы и действия продумывал, исходя из этой информации. Замечательно было бы накрыть их осколочными гранатами или минами!.. Но в результате недосмотра получилось неожиданное пополнение в рядах мишеней. Количество врагов возросло вдвое.

От невольного замешательства я едва не растерялся, но шанс выжить у меня остаётся, если я буду всё время двигаться. Опустившись на одно колено, я снова срастаюсь в единое целое с «Рысью» и отправляю пулю в первого кабана, уже отведавшего огненного металла. С каждым разом стрелять у меня получается всё увереннее. Хочешь жить, умей экстерном вертеться, то есть учиться.

В этот раз пуля попадает в лобешник машине смерти, быть может, не пробив кость насквозь, но оцарапав основательно и оттолкнув мутированную зверюгу назад всей своей пробивной мощью. Боевая «Рысь» это же не дробовик охотничий и не пукалка-мелкашка! Кабан брыкнулся набок, а я уже бегу мимо него, переключаясь на второго противника.

Разбуженный свинтус так разогнался, что, сними я его с лёту, отправив убийственный металлический снаряд без промаха через глазницу в мозг, он бы всё равно не остановился, пронёсся бы дальше по инерции и сшиб меня. Поэтому я напрягаюсь и, когда ненормальное создание преодолевает финальные метры ко мне, мечусь в сторону как можно дальше. Когда убойная туша форсажным танком проносится левее надо мной, я быстро-быстро припускаю по склону вниз.

Кабану нужно несколько мгновений, чтобы резко затормозить, взбив копытами фонтаны земли, и совершить разворот на сто восемьдесят градусов. За эти несколько мгновений я ухитряюсь прицелиться и простреливаю ему рогатый-кlyкчатый «жбан». Между нами метров двадцать, и тяжёлая пуля дырявит-таки кость. Кабан падает, а прикончил я его или нет, проверить возможности не представится.

Существенно придавая мне ускорения, на вершине второго холма возникает кочующая аномалия. Влюбилась эта изменка в меня, что ли?! Преследует, как верная фанатка. Чем-то я её зацепил точно.

Больше ничто не преграждает мне путь отступления, я выскакиваю на полосу между шеренгами стационарных изменений и бегу изо всех сил. Правда, я не слабо нагружен, поэтому меня должно хватить ненадолго, с таким темпом. Да и не так уж часто, надо признаться, я до этого бегал. А здесь пришлось вдруг очень интенсивно заняться подобными упражнениями: стрельбой, бегом, прыжками и тому подобными активными физическими движениями.

Там, в моём мире, я не отношусь к представителям «сидячего» образа жизни. Я кто угодно, но не одолеваемый гиподинамией бедолага, обвешанный пудами лишнего веса. Однако всерьёз спортом давно занимался, в школе ещё, большим теннисом. Неудивительно, что подобные нагрузки мне даются непросто. Но деваться некуда, и я врубил форсаж, стартанул в турборежиме, будто стал вдруг легче раза в два и вторые лёгкие выросли. Всё-таки я мужчина тридцати с небольшим, а не старикашка какой-то!

Сейчас или никогда! Воздух поддувает мне навстречу, небо быстро проносится над головой. Я стремительно лавирую меж волнистых, колыхаемых ветром стеблей травы, молясь о том, чтобы не наступить ненароком на ещё какого-нибудь неприметного, примостившегося где-нибудь тут свина, кота или пса. Мчусь вперёд, только вперёд, абсолютно не зная, что поджидает на следующем шаге и что откроется мне там, за неуловимой чертой горизонта...

Покосившись краешком глаза назад, вижу – «жернов» не собирается меня отпустить, он уверенно перемещается за мной, тоже наращивая скорость. Но у меня уже появилось ощущение, что я оторвусь, убегу...

Внезапно всё мрачнеет... Наваливается удушье, в ушах разражается оглушительный скрежещущий шум, я теряю почву под ногами, с ужасом понимая, что проваливаюсь куда-то... Мысли и пространство обрушиваются карточным домиком, я сыплюсь в бездну вместе с разваливающейся, непрочной конструкцией, в которую вмиг превратилась окружающая реальность.

* * *

В городах небо чистое, никаких смогов и выбросов. Давно нет вредоносных предприятий в пределах городской черты. Не только в нашем Гордом, но и по всей стране, и в других частях бывшей Федерации. Реально, не на словах приняты все меры, позволяющие эффективно следить за тем, чтобы промышленность использовала экологически чистые технологии.

Когда мои родители были юными, для них это выглядело как утопия. Но возделенное великолепие реализовано; и вправду после стольких десятилетий бездумного, потребительского отношения к природе человечество взялось за ум. Уйти в космос и основать там серьёзные многоярусные колонии – на случай, если с материнской планетой случится непоправимое, – у землян пока не получилось. Зато в собственном доме уже не так безнадежно и тоскливо оби-

тать, как было ещё во времена молодости наших бабушек и дедушек. Поколения, родившегося на стыке тысячелетий.

Если бы не случилось кардинального перелома во второй трети нашего века, когда глобальный «зелёный» курс был принят развитыми странами, а затем и почти всеми остальными, – трудно представить, в каком состоянии сейчас находился бы общий дом. А ведь ещё раньше, в первой четверти столетия, едва не грянула всеобщая война. Кризис воистину чудом преодолен был, правда, не все государства уцелели в тех же состояниях, какие имели до этого. И я иногда задумываюсь, а во что превратился бы наш мир, если в какой-то момент что-то пошло бы не так, как случилось в действительности?

События развернулись бы по иному, очень даже негативному варианту развития сценария... И тогда я содрогаюсь от страха, лишь представив невозможное, ставшее возможным.

...Раскидистые деревья изобилуют сочной, зелёной листвой, белые пушистые облачка проплывают по божественно голубому ложу неба, город цветёт и сияет. Лето две тысячи девятости восьмого... Цивилизация успешно, хотя и не без проблем, скоро сделает шаг в следующее столетие. Много всего преодолено, и никто достоверно не знает, сколько ещё всякого там, в будущем нового века, предстоит...

Дорога ушла круто вверх. Покорив подъём эстакады, я покинул таксокар, и он тотчас умчался на другие вызовы. По виадуку я перешёл к террасе громадного кондоминиума «Дыхание Океана», высотой в сто с лишним уровней. С верхотуры расстился замечательный вид. Я немного постоял, любуясь на верхушки соседних домов, золотящиеся в солнечных лучах, на бескрайнюю воду вдалеке, на едва различимые горные силуэты. Здесь, на площадке, были разбиты газоны, поставлены скамейки, установлены наблюдательные приборы для желающих.

Сегодня был подходящий денёк, и тут много кто прогуливался: девушки в платьицах, пожилые пенсионеры, даже ребятя. Если человек падал вниз – а ограда здесь без наворотов, просто бортик, – то по траектории падения предусмотрена целая система выбрасывающихся сетей, которые улавливали летуна. Насколько я знал, несчастных случаев, падений, окончившихся плачевно, ещё не случалось.

Хотя во время свободного полёта и сердце могло отказать, от этого никто не застрахован. Но ещё не останавливалось ни у кого. Вообще в последние десятилетия смертей из-за проблем с сердечно-сосудистой системой значительно убавилось. Все болезни, связанные с кровеносным обменом, крайне успешно лечатся, «запасные» сердца выращиваются искусственно, в пищу много добавок, способствующих укреплению сосудов. По статистике, сравнительно с первой половиной века смертей от инфаркта на порядок меньше.

Воздух на краю террасы восьмидесятого уровня был высотный, точнее не скажешь. Безупречный, незамутнённый, чистейший... Ну, это никакими словами не передать. Овевал меня со всех сторон, свежий такой, полноценный.

С террасы я перешёл на собственно этажный уровень. Дорогу мне преградили два внушительных страж-бота, но, просветив и ничего сомнительного не обнаружив, выдали вежливое приветствие и расступились. Торговый лабиринт расположен на этом этаже. Дальше бутиков и заведений – на любой вкус!.. Хотя всё здесь, можно сказать, «декоративное», любые товары можно отыскать в Сети и получить доставкой на дом.

Но посетителей в реальных магазинах полным-полно. Для многих людей шопинг по старинке – вполне интересная разновидность проведения досуга. Человек, как ни крути, существо социальное, и общаться в реале хочется порой даже закоренелым компьютерным «гикам».

Вот в этом ряду одежда. Всё, что сейчас модно, всё, что пока или уже не модно, разных фирм, дизайнов, размеров... От сексуального нижнего белья до аляповатых валенок в стиле «дядя Ваня-тракторист». Да-да, валенки тоже в наличии, и это ещё цветочки! Ассортимент театральных костюмов, всякой древней одежды, праздничных костюмов... В общем, мешанина всего и вся.

Гастрономии тут нет, она на другом этаже, там просто глаза разбегаются при виде навезённых со всего света вин, выпечки, сыров, мясных изделий, экзотических фруктов... Список изобилия можно продолжать долго, на сколько у кого хватит фантазии.

Я сюда не за этим пришёл.

Просто констатация. Мне убеждать себя не увлечься шопингом не надо, я здесь хожу не впервые. Уверенным шагом проследовал к лифту, проведя скольльзящим взглядом по пёстрым бутикам.

Кабина уже тут как тут. Лифт поднимается-опускается в прозрачной колбе, и, пока я ехал, мог наблюдать за тем, что снаружи. Приличную скорость способен развить подъёмник, уши заложило, как обычно, зато совсем недолго – и я уже там, куда надо было попасть.

Даже кнопки не требовалось нажимать, лифт сам определил, куда доставить, добывая информацию обо мне из сетевых профилей. Инфы в планетарных базах данных о любом человеке предостаточно. Правда, бытовые устройства могли и «промахнуться», не совсем точно просчитать намерения, но обычно справлялись с задачей. Я даже размеренной музыкой, игравшей в кабине, не успею как следует насладиться, а уже пора выходить.

Стоя на узорчатом полу в просторном пространстве опускающейся кабины, я оглядел панораму родного города, раскинувшегося между водной гладью и горным плато на полуострове, изрезанном бухтами и заливами. Люблю я Гордый, что уж тут душой кривить. Несколько раз уезжал из него надолго, но всегда возвращался... Створки за моей спиной раздвинулись. Немного пройду и буду на улице. Там буквально несколько поворотов, и на месте.

Я вышел из лифта в большущий холл. Наперерез мне двигалась большая группа индусов. Стараясь избежать столкновений, просочился сквозь толпу, пошёл дальше, мимо двух светловолосых женщин без пяти минут бальзаковского возраста, обе с грудями явно больше третьего размера, едва вмещавшимися в декольте.

По гладкому полу, только что отполированному до блеска исполнительным роботом-уборщиком, хоть бери да скользи, что я и сделал, и в этом скольжении пролавировал между детишками – задень одного, и все попадают, как оловянные солдатики, – их суетливыми мамашами, стайками гламурных фиф, див, джентльменов в очках, сухоньким мужчиной в галстуке... Неконтролируемое катание прекратилось, когда я приземлился на руки и произвёл вынужденное торможение.

Быстренько вскочил и ретировался, пока возмущённые крики откуда-то сзади не затихли, и нырнул в скопление людей у выхода. Чуть не столкнулся с улыбающимся африканцем, у которого на голове зачем-то размещалась клетка с пёстрой птичкой. Он весело воскликнул, обращая ко мне: «Хэй!» Я ответил в том же тоне: «О'кей, бро!», и устремился дальше. Перед самым выходным проёмом смешался с группкой явно довольных жизнью неохиппи, пробрался меж ними и наконец выскочил из небоскрёба. Заслуженно перевёл дух после напряжённого прорыва на волю.

Через некоторое время добрался куда надо, в кафе.

Марлин назвал заведение красиво, «Неаполь». Точка расположения подобрана им была не менее удачно, чем всё остальное, – вроде и в пределах центрального округа, но в таком местечке, где меньше заметна вся эта суета повседневности, почти нет шума... Здесь – типа исторический квартал. Вся архитектура в каноническом досетевом стиле прошлого века. Даже будка красенькая стояла, а в ней функционирующий телефон-автомат.

Внутри кафешки растекалась ненавязчивая музыка. Стены украшали картины в стилях, которые назывались «современным искусством» ещё в начале нашего двадцать первого века. В помещении было не холодно и не жарко. Аккуратненькие окошки, столы трёх видов: большие, средние, маленькие. Пахнет вкусной едой. Повинуясь заманчивому запаху, случайный клиент уже не отказался бы от дополнения к классической чашечке кофе в виде какого-нибудь образца местной выпечки.

Освещение тоже не резкое, но вполне достаточное. Посетителей много, однако мест каким-то чудом хватает на всех. Именно потому, что народу всегда битком, Марлин вышел в зал и ждёт меня, я это знаю, хотя у него в кулуарах свой кабинет. Там, за мраморной барной стойкой, не справа, куда пролегла дорога в уборную, а слева.

Главный «конёк» заведения – здесь нет роботов. Пицца готовится вручную, на кухне за барной стойкой, и это её аромат по всему «Неаполю» струился...

А стена прямо за барной стойкой была вымощена различными ёмкостями с напитками. Чего только не имелось в этой пёстрой коллекции! Сведущие люди знали, что содержимое не всех из бутылок продавалось случайным клиентам; если бы кому-то из текущих посетителей вдруг взбрело в голову осведомиться о стоимости, к примеру, во-он того матёрого бутылка, наполненного ещё в тысяча девятьсот каком-то году, его, вполне возможно, ожидал бы «полный облом», как выражалась моя бабушка.

Помещение кафе давало простор для изучения. За одним столиком ворковала умильная парочка, за другим подросток наворачивал свой ломоть пиццы после школы... А там пепперони уплетал уже вполне взрослый мужик, широкий, как тумба, видимо, мама в детстве накормила вдоволь гамбургерами и кренделями... Рыженькая девица в одиночестве распивала коктейль, видимо, поджидала себе молодца посимпатичней. И-и-и, в самом углу, конечно же... Ну да, вон он, расселся.

Марлин! Собственной персоной.

Полбутылки уже нет – коньяк давно почат. Кроме коньяка, на столе ничего. Ну, положенные причиндалы стоят, конечно, типа салфеток, солонки-перечницы. Однако никаких закусок. Традиция у нас такая. Первая бутылка без закуси. «Только хардкор», опять же, по выражению моей бабушки.

В одной рюмке на дне остатки тёмной жидкости, другая нетронута – меня дожидается. Марлин, заметив мою рожу, энергично замахал рукой.

– Подваливай!

Собственно, уже. Я отодвинул второй стул и уединился с другом. Укромное местечко, прикрытое декоративным деревцем, никто нас здесь не услышит и сразу взглядом не найдёт, зато отсюда весь гастрономический раёк как на ладони. Обстановочка самое то. Сведущие люди в курсе, что этот угол ещё и прикрыт специальной «глушилкой», заблокирован от сканирования. Можем хоть государственные тайны обсуждать. Серёга у нас тот ещё хитрый жук, и делишки у него не только вокруг кулинарных рецептов вертятся...

– Наливай, брат, – сказал я. – Блин, месяца три не виделись...

– Сам виноват, «яйцеголовый» ты наш, – проворчал он и спросил: – Ну, давай повествуй, как житуха у двигателя науки?

Напиток с лёгким плеском наполнил рюмку, предназначенную для меня, цедясь из горлышка склонённого набок сосуда.

– Всё пучком, двигаем, – ответил я в тон другу. – По-старому, короче. В основном трачу время на лабораторию. Когда выпадает свободная минутка, играю в игрушки. Смотрю фильмы, иногда читаю книги. В личной жизни сдвигов пока никаких.

– Не отыскал ещё спутницу жизни, единственную и незаменимую? – хитро сощурился один глаз, поинтересовался старый друг.

Эта тема его интересует особо, мы с ним ещё в школе как-то поспорили, кто первым женится. Пока ни он, ни я в официальном браке не состояли, будто нарочно уступать не желая. Так вот до возраста Христа и дотянули. Да уж, факт, мне сегодня тридцать три. Серёге будет столько же в начале декабря.

– Пока нет. Давай лучше не будем на эту тему, а то каждый раз одно и то же...

– Без вопросов. Тем более у тебя в профайле всё равно статус не меняется. Хоть бы девушку себе постоянную нашёл, что ли...

– Ищу. Старательно, – заверил я и плавно влил в себя содержимое рюмки.

Жидкость обожгла горло, я не ожидал такого градуса. Огненный напиток прокатился дальше, внутрь, и принёс приятное тепло в пищевод. Друг по кряхтению и выражению моего лица определил удивление и прокомментировал:

– Шестьдесят лет выдержки, что ж ты хочешь! Редко бываешь, почти не участвуешь в употреблении благородных...

– Каюсь, каюсь! – согласился я. – А ты как тут?.. – поинтересовался у Марлина.

– Эти месяцы относительно спокойно. Никаких разборок не было, без крови и перестрелок обошлось, главное. В этом плане штиль, чему я только рад. Своих ребят не хочется терять, да и руки марать тоже. Сам понимаешь, да? Налить тебе ещё?.. Давай-давай, пей, когда ещё доведётся вкушать «Браунхечстер» урожая тридцать седьмого года... Пробрало? То-то! Так о чём это я?.. Ну, в общем, развиваюсь помаленьку. Авралов вроде не предвидится, надзор не звереет, бизнес людям не мешает делать. А то были времена... К счастью, я их не застал, потому и могу позволить себе даже хобби, этот мой, если образно выразиться, придорожный трактир, приют души неукротимой...

– Мне всё здесь нравится. Отличная атмосфера, не то что в этих одноликих автоматизированных...

– Во! Потому что своими руками всё! И никакой искусственный интеллект с его консервной логикой не сравнится с плодами труда человеческого. По крайней мере здесь и сейчас. Знаешь, как я это вижу? Уместна параллель с коралловым рифом. По крупинкам, частицам создаётся, бесценное множество ресурсов и времени расходуется... И рождается детище. То, которое твоё и только твоё, и ты никому его не отдашь ни за какие сокровища...

– Чувственно сказал! – воодушевлённо похвалил я.

Марлин осёкся и улыбнулся.

– Стараюсь... – Он снова разлил коньяк. – У меня тост! – провозгласил. – Выпьем за друзей. За настоящих друзей, чтобы они были вместе, смотря не на что... ой, то есть несмотря ни на что... – поправился Серёга и продолжил: – Чтобы всё было так, как ни у кого, чтобы больше было классных моментов, и все мы жили дружно и счастливо! Не очень складно вышло, эх, теряю квалификацию райтера... Тем не менее. Выпьем за друзей!

– За проверенных друзей! – уточнил я.

Словно бы в подкрепление нашим словам из акустических систем зазвучала следующая в плей-листе песня. Я слышал её не впервые, и знакомый голос пел очень даже в тему:

...Нас ветром разносит по этой земле,
Какие уж тут прощанья!..

Мы с Марлином переглянулись и синхронно покачали головами. Надо же, какое совпадение!²

Когда душевная композиция доиграла, Марлин спросил:

– Не знаешь, кто это поёт?

– Андрей Макаревич, – ответил я. – Была такая группа, «Машина времени».

– Весьма, однако... Странно, что не слышал раньше. Явно классический русский рок. Спрошу у бармена потом все альбомы, он у меня заядлый меломан, такие раритеты иногда выкапывает в архивах...

И мы снова проучаствовали по коньячку. Помолчали, благодотно глядя друг на дружку и вспоминая былое.

² С этой песней группы «Машина времени» можно (и нужно) ознакомиться в Интернете; в финале этой книги добавлены ключевые строки из текста.

Внешность у Марлина не особо примечательная, обычный высокий мужчина без особых примет, не толстый и не худой, но сейчас он очень выразительно смотрелся, сидя передо мной по ту сторону стола. Поза, понятно, расслабленная, одна рука безвольно висит, другая подпирает щеку. Каштановые волосы взлохмачены, глаза уставшие, рассеянные, сейчас – даже добродушные. На шее свободно болтается галстук. Рубашки и галстуки он предпочитал футболкам и майкам ещё со времён юности. Кажется, всегда стремился стать большим боссом.

У него получилось, между прочим, он реализовал мечту. Хотя я не так уж много знаю о его нынешних делах, и не надо мне знать. Я давно ушёл другой дорогой. Точней, ушёл искать другую дорогу.

Затем мы принялись решать вопрос о том, кто пойдёт за добавкой. В результате продолжительного консилиума, путём конструктивной дискуссии было постановлено, что за второй бутылкой иду я. Почему-то мысль позвать бармена или официантку не пришла в голову ни мне, ни ему. Набрались старые кореша уже порядочно.

Я поднялся со стула, испытав ощущение, что воспарил. Поплёлся по залу, пытаюсь вернуть на место «поехавшую» картинку бытия. Добрался до бармена и заплетающимся языком изрёк что-то вроде просьбы.

Добыв ещё бутылку коньяка, с победой вернулся на место. Ну, как вернулся, скорей пришатался. Марлин снова принялся разливать, но рука плохо ему повиновалась, поэтому половина вопиюще дорогой жидкости оказалась на столешнице, на полу, на одежде у меня или у него. Бармен точно видел, что происходит, но не вмешивался. Пришлось взять функцию разливальщика на себя. Марлин попытался возразить, что руку менять нельзя, однако я не смог позволить выливать ангелам столь солидную долю...

Края наших рюмок снова столкнулись, и вновь внутрь была отправлена порция огня. Марлину вдруг взбрело в голову поведать мне какую-то очень смешную шутку. Он начал её рассказывать, но мало чего из уст выходило связного, потому что он путал слова и сам ржал через слово. А мне было смешно, потому что смеялся он, – так мы и хохотали, безудержно, до слёз, и дикий хохот разносился по залу, отрывая других посетителей от их занятий, невольно приковывая к нам внимание – в этом тихом заведении такое поведение мог себе позволить разве что хозяин...

В конце концов, спустя энное количество временных промежутков, мы с Серёгой, грациозные, как мешки с картошкой, подковыляли к стойке. Истребовали у бармена два «отрезвителя»; такая химическая хрень, нейтрализующая опьянение. Опустошили тонкие высокие «мензурки». Если опьянение сильное, состав не снимет состояние полностью, но определённый эффект всё же окажет, помогая избежать неприятных последствий, снизит пагубное воздействие алкоголя на организм.

Немного придя в себя, мы с Марлином осознали, что праздник удался, однако пора и честь знать.

Марлин выставил ладонь, и я хлопнул по ней, дав ему «пять».

– Короче, брат, бывай, – напутствовал меня друг, – хочешь, мой Максик отвезёт тебя, куда нужно?

Макс – это его телохранитель и помощник. Зависает наверняка в кабинете сейчас, ждёт распоряжений. А, нет, вон там он, сидит за столиком и выпасает Марлина. Приглядывает за боссом неустанно, верный «зам»... Насколько вообще может идти речь о верности в их роде деятельности.

– Нет, хочу пройтись пешочком... Но спасибо.

– Как знаешь! Рад был повидаться. Заглядывай ко мне почаще, брат.

Мы пожали руки, и я под всё ту же нетленную музыку, сквозь то же ненавязчивое освещение, наполняющее атмосферу, пересёк зал, чтобы выйти из «Неаполя».

Уходил, чтобы вернуться к своей обычной жизни.

Друг затаённо улыбался вслед. Я это увидел, когда открыл выходную дверь и на пороге оглянулся...

Продление. Неофит

Если бы у людей не было глаз, они бы даже не подозревали о существовании цвета. Так что, вполне возможно, люди не знают о существовании чего-нибудь важного только потому, что у них нет соответствующего органа для восприятия этого неизвестно чего...

Более чем правильная расстановка причин и следствий

Вывалившись из небытия обратно в физическую действительность, я кое-как разлепляю веки и снова вижу картину мира. Приподнявшись на локте, осматриваюсь кругом, адаптируюсь к новой обстановке, отгоняя остатки мрака.

Небо затянуто чёрным бархатом. Я лежу на обочине неширокой, метра три, уходящей за пределы видимости дороги. На её поверхности наблюдаются признаки, указывавшие, что некогда она была асфальтированная или бетонная. Сейчас от первоначальных материалов мало что осталось, почти всё оккупировал бурьян разной масти.

Но дорожное полотно ощущается, и я, кое-как поднявшись на ноги, ступаю дальше по нему. Признаки дороги дают надежду куда-нибудь дойти. Винтовка и сумка мои остались при мне, все гаджеты и детали экипировки не тронуты. Направляюсь я в сторону, куда «смотрели» мои ноги, когда очнулся.

Не успеваю сделать и полсотни шагов, как начинает моросить мелкий дождь.

По ходу пытаюсь осмысливать, что же стряслось. Каким-то образом я оказался во фрагменте пространства, совершенно не похожем на тот, где был до внезапного помрачения.

Может, у меня память отшибло? Последнее воспоминание: как я удирал от приставучего «жернова», одновременно расправляясь с недружелюбными квазикабанами. Затем – провал. Мрак в буквальном смысле и в переносном...

Вот именно, переносном. Я перенёсся. Как будто телепортирован из одного места в другое, так бывает в фантастических фильмах. Только там герои обычно пользуются для переноса какими-нибудь приборами или суперсилами, а у меня ничего подобного в наличии как бы нет. Хотя могу и недооценивать... Но если что-то подобное со мной случилось – явно не обошлось без вмешательства пресловутой энергии, избравшей меня для ухода сюда, в Отчуждение.

Однако на травяной полосе между шеренгами изменений и близко ничего похожего на портал не было. Меня просто одним махом выкинуло из одной точки в другую... резко стёрлась окружающая среда, и вот уже совсем иной пейзаж вокруг. Предположений можно настроить кучу и даже почти убедить себя в том из них, которое покажется наиболее весомым. Но будет ли объяснение гарантированно верным?

Наверняка ясно станет, когда я докопаюсь до сути этого ненормального мира. Возможность пробраться в него, как выяснилось, таилась в лесных дебрях бывшей российской глупинки. Страшная сказка ожила, и я вдруг попал внутрь неё.

Но сейчас мне, подобно Печорину из романа Лермонтова «Герой нашего времени», лучше бы не страдать «метафизическими прениями». Просто идти дальше. Единственный разумный вариант: следовать дальше, не терзая себя лишними сомнениями и раздумьями. Иначе никак... Только куда идти-то? Скорее всего ответ зависит от конкретных условий и обстоятельств.

По состоянию неба невозможно определить, какое сейчас время суток. Такие сизые тучки могут покрывать небо как утром, так и ближе к вечеру, впрочем, и посреди дня тоже. Сквозь прорехи между графитовыми «шапками» пробивается золотистый свет солнца. Дождь льёт пока ненавязчивый, нечастый. Внизу, там, куда не попадает свет, всё тонет в бледности, в голубоватых сумерках. Но сумрак не означает вечер или утро, приглушённый уровень вполне под

силу создать навесу, взгромоздившемуся на небосклон, предвещающему грозу. Если днём зашторить окна в помещении, где нет искусственного освещения, в нём тоже появятся сумерки.

Пройдя какое-то расстояние, я натываюсь на лежащий столб, некогда высившийся метра на три. С одного конца приделана безнадежно проржавевшая табличка, а на ней едва-едва различимая надпись: «П _ Л О _ _ Д Н Ы Й». Эта находка уже что-то даёт. Писано кириллицей и намекает на вывод, что впереди обретается какой-то населённый пункт. Если там, дальше, вообще что-то есть, схожее по сути с человеческим поселением, оно явно заброшено, раз дорога не поддерживается в приличном состоянии и знак валяется поперёк неё.

Впрочем, сложно ожидать чего-нибудь иного от одичалого мира!

На этом этапе я решаю сделать привал; устраиваюсь на обочине, чтобы немного поесть. Отмечаю, что запасы пищи и воды угрожающе сократились, пикничок скудный выходит. При обычном режиме питания завтра должно ничего не остаться. Как дальше выкручиваться, не известно. Понятно, теплится надежда, что добуду ещё, отыщу или наконец найду выход из этой страны чудес в кавычках.

Дойду до цели и выберусь в нормальный мир до того, как припасы окончательно исчерпаются. Совсем не улыбается перспектива погибнуть от голода или жажды, а скорее от того и другого вместе. Но ещё более вероятной кажется участь сгинуть в когтях какого-нибудь монстра, например, или в одной из ненормальных ловушек. Обновляя походные запасы в предыдущий раз, я если и рассчитывал на затяжной вояж, то не по территориям, на которых негде докупить еды-воды. То есть не было смысла затариваться по максимуму.

Кто ж знал, что доведётся запроториться в... демон подери, зону какую-то запредельную!

В итоге угодил именно в некую подвластную иным, ненормальным законам зону. На первый взгляд не показавшаяся фантазмагорической реальность всё-таки разительно отлична от той, которая для меня является привычной. Здесь природа норовит перевернуться с ног на голову, сделать многое наоборот от нормы. Здесь вообще не актуально слово «должно» – за короткий период своего пребывания в сих реалиях я навидался такого, что теперь готов, подзреваю, абсолютно ко всему.

Пространство, материя могут принимать какие угодно ипостаси, зачастую весьма неожиданные... И в меня закрадывается ощущение, что большинство сюрпризов до поры до времени спрятано в тени.

Придётся согласиться, правило только одно: никаких правил. И придётся волей-неволей принять факт и самому действовать не по правилам, иначе неминуемо вылету из игры. Лишь будучи нетипичным и действуя нестандартно, можно продержаться в игре дольше одного хода... по крайней мере пока сама игра не подстроится под твой стиль. Тогда в один прекрасный момент она может расправиться с тобой.

Значит, чем ярче и необычней стиль, тем дольше время подстройки... Хотя длительность, уровень обычности, степень яркости – категории относительные. Критерии оценки порождаются логикой, а любая логика относительна, значит, всякой характеристике априори присуща относительность.

...Когда я присаживался для привала, вода сверху прекратила литься. Погружённый в невесёлые думы, я не сразу это замечаю. Заметив, делаю сам себе выговор. В суровых реалиях следует быть постоянно начеку, если хочешь жить. А я ещё и один-одинёшенек, так что должен быть начеку вдвойне, не позволять себе расслабиться ни на секунду. Очень важно, чтобы уцелеть – своевременно фиксировать какие-либо перемены в окружающей обстановке.

Буквально пяток минут отдохнув после приёма пищи, я встаю, направляю ствол винтовки в неизвестность перед собой, стараясь не думать о том, что оставшиеся боеприпасы можно пересчитать по пальцам не более чем двух рук, и бодро отправляюсь в путь. Готовый в любой момент встретить какую угодно подлянку, подброшенную здешней средой обитания. Стараюсь не думать, чем закончится столкновение – моей смертью или моей победой.

Единственный для меня вариант: двигаться, будучи готовым глянуть в лицо своей погубели, а пока жив, постепенно познавать нюансы и премудрости противоборства с враждебным мне миром.

Забиться в угол, прикрыв голову руками, и ждать окончания этого страшного сна – точно не для меня. Если загонят в угол, буду биться до последнего издыхания, с предельным напряжением сил.

В том романе, который я прочитал в поезде – «Не сдавайся!» называется он, – есть призыв, очень подходящий к моменту... Он звучит из уст героя почти в самом финале, когда тот ведёт за собой своих товарищей на верную погубель, в последнее сражение за судьбу их мира, такого, каким они его знают, и другой судьбы они не хотят, и не нужно им другой.

Герой сказал:

«Если мы всё равно обречены, давайте будем смелыми!..»

У меня до сих пор с собой книжка, не поднялась рука выбросить, благо весит она всего ничего. Обложка и страницы из экологически чистой, органической пласт-бумаги, переиздание недавнее. Даже с практической точки зрения может пригодиться для чего-нибудь – например, при разведении костра.

Вскоре я прихожу в населённый пункт, о котором меня предупреждала надпись на поваленном столбе. «Плодный» по виду пребывает в состоянии гораздо более плачевном, чем заброшенная деревня нормального мира, в которой проживает старик со своей женой.

С туристическим визитом я припозднился лет на сто, судя по пейзажам и впечатлению. Хотя на глазок точно и не определишь, сколько лет этим руинам, может, и все сто пятьдесят. Одно наверняка – некогда здесь была городская застройка. Или кто-то пытался создать впечатление, что была... некие «декораторы».

«Плодным» – это я его окрестил; там, на надписи, некоторые буквы отсутствовали, полное название явно было другим. Не хочу ломать голову, перебирая вариации.

Здания, от которых хотя бы что-то сохранилось, большая редкость для этих развалин. Если приглядеться и позволить воображению дорисовать недостающие детали, начинают угадываться автобусные остановки, жилые дома, гастрономические зоны... В отличие от останков цивилизаций вроде майя или древних египтян здесь и подавно не ощущается дух чего-то монументального, величественного, грандиозного. Скорей всего стоял себе простецкий серенький провинциальный городок, никакой не мегаполис.

И был покинут его обитателями по каким-то причинам.

Я хожу-брожу посреди остатков кирпичных и каменных стен, редко поднимающихся выше уровня первого этажа. Ступать приходится по слоям, состоящим из крошечек стекла, глины, обломков арматуры, асфальта, бетона, металла и тому подобного. На пути моём попадают аномальные изменки; не рассыплю, но и не так, чтобы позволить мне о них надолго забыть.

Спустя где-то час я уже основательно углубляюсь в развалины населённого пункта. Дождь возобновляется, и я вынужденно думаю об укрытии. Мне ещё предстоит дотянуть до утра, а кто знает, какие звери тут спуют ночью? Лучше подготовиться к обороне заранее. Хотя покуда в руинах я ни единого монстра не повстречал. Но с наступлением тьмы ситуация может измениться.

Опа! Вижу впереди отчётливое мерцание... вроде как серебро, с синеватым отливом... Подозрительное свечение исходит из-за угла бывшего дома. Прикидываю, не стрелкнуть ли прямо через стену, пуля пробил бы трухлявый кирпич однозначно... Но сперва надо бы посмотреть, решаю я.

Стараясь ступать как можно тише, обхожу с другой стороны, протиснувшись между двумя участками ИФП. А с той стороны меня что-то поджидает...

На земле, точнее, на покрывающем её настиле трухи лежит объект круглой формы. От него исходит даже не угроза в привычном понимании. Странное, совсем неведомое, неизвестное мне... Сначала я преодолеваю любопытство, колеблюсь, испытывая желание убраться подобру-поздорову, но затем всё же отваживаюсь подобраться поближе.

Что-то меня подпустило. Хотя, с точки зрения здравого смысла, надо валить отсюда подальше и как можно быстрее! Это шаблонные супермены в плохих боевиках, оказавшись в похожих ситуациях, потянулись бы к таинственному диску, как мотыльки на свет...

Приходится признать, я веду себя как они. В сходных случаях именно так поступают пресловутые герои... Разве что приближаюсь очень медленно, напряжённо, готовый дать стрекача, чуть что... Предмет вблизи оказывается чем-то вроде выпуклой серебристой линзы толщиной сантиметра три, диаметром с небольшую тарелочку. Долго пялиться на него невозможно – свет режет глаза, ослепляет. Однако совсем не обжигает, напротив, когда я прикасаюсь к поверхности диска ладонью, то ощущаю прохладу!

Больше никаких колебаний. Сам дивясь своей смелости, беру эту штуку и заворачиваю в обрывок какой-то непрозрачной плёнки, очень кстати случившийся поблизости. Причём свет просачивается даже сквозь неё, но уже не слепит. Я кладу находку в сумку. По весу «линза» совсем лёгкая.

Понятия не имею пока, зачем её прихватил. Но просто не смог пройти мимо как ни в чём не бывало.

Назову-ка я добычу... ЧО. Да, вот так – чужеродным объектом. Объект? Да. Чужеродный? Ещё и как!

Когда я закрываю сумку, снова делается сумрачно, с непривычки даже показалось, что ещё темнее, чем было прежде. Я спрашиваю себя, что это было? И едва успеваю отпрыгнуть в сторону – место, где я только что стоял, опалает огненная струя!

Метрах в двадцати интенсивно колыхается воздух, появляется аномалия, и мне не составляет особого труда распознать бродячий «жернов». Уже по ходу дела я смекаю, что это он пуляет огненными сгустками... Во как, и так может, сволочь, ничего себе!

Не теряя времени, я драпаю. Хотя теперь уж скорый конец кажется неизбежным... Бегу в сумраке, умудряясь петлять между коварными ловушками участков ИФП, подстёгиваемый переполняющим страхом. Спасение и близко не маячит, как ни крути, а спрятаться толком некуда, бороться бессмысленно... А может, есть какой-то способ уничтожить приставучего «кочевника»? Но я передвигаюсь в самом быстром возможном темпе, головой варить некогда, а этот мерзкий гад всё равно стремительно нагоняет. Поди ж ты, новые таланты в нём прямо на ходу открываются!

Какая-то яркая линия вдруг перечёркивает горизонт, на мгновение проступив из сгущающейся тьмы... Всё-таки вечер, потому что сейчас освещение уменьшается, тучи плотнее стягивают небо, солнца не видно, дождь интенсивно ускоряется. Мелькнувший свет позволил мне кое-что рассмотреть. До увиденного далеко, но я поднажал, наплевав на неподвижные изменки... Вляпаюсь – значит вляпаюсь. Если стану их выискивать, упорный преследователь гарантированно достигнет, вот и всё.

Или пан, или пропал.

Я почему-то рассчитываю, что шансы выжить существенно повысятся, если найду способ подняться на высоту. Понимаю, что углядел здание вековой постройки, нечто вроде театра или дворца культуры, у которого более-менее сохранился остов. И наконец добираюсь, почти до... Вскрабакиваюсь на обломок, с него перемахиваю ещё на один. Сзади полыхает жаром. Со второго обломка перебираюсь на стену капитального сооружения. Кое-как удаётся дотянуться до подоконника второго этажа...

Осталось совсем немного! И этот последний рывок самый трудный. Напряжённый организм норовит рефлекторно расслабиться, получив сигнал о том, что всё самое серьёзное

позади... но жизненно необходимо снова мобилизоваться. Иначе так и останусь висеть на волоске от счастливого спасения. Считанные сантиметры не дотянув до жизни.

Потому самая тягостная часть в забеге – та, что между серединой и концом. Я выжимаю из себя то, чего, казалось бы, уже нет. Подбрасываю тело вверх и перелезаю внутрь.

Если бы, надеясь обрести спасение от огненного «кочевника», я забрался на какой-нибудь «огрызок» кирпичный, не выше первого этажа, такой, каким выглядит большинство элементов, составляющих руины... Думаю, преследователю ничего не стоило бы поглотить остаток стены вместе со мной. Пламя охватило бы опору и до меня дотянулось бы обязательно.

Наступила бы развязка событий, которая куда более вероятна, чем та, к которой я стремлюсь во имя жизни.

Та, что реализовалась на самом деле.

«Павший духом гибнет раньше срока».

Я – поднялся, а не пал.

Успел. Теперь сижу на полу второго этажа внутри большого здания, защищённый стенами и отсутствием входа. Все лестницы, естественно, разрушены, и преследователь сюда не заберётся. Ставка на то, что он не сумеет взлететь, оправдалась. Сюда ничто вообще не залезет, если не способно летать, ну или по-паучьи шастать на вертикальных поверхностях.

Нахожусь я на своеобразном «балконе» метров десяти квадратных площадью, на некотором расстоянии от меня пол обрывается, и внизу просматривается часть первого этажа. Там засекаю парочку изменений. Но рядом со мной ни искажающих изменений пространства, ни живых монстров. Укрытие лучше и неприступней этого в моём положении и представить довольно сложно. Здесь я и останусь на ночь, почему нет.

Выглядываю в окно, как в бойницу. Внизу полыхает. Ненормальный преследователь «клацает зубами», он всё ещё там, рассчитывая меня заполучить, подстерегает добычу поблизости от вырвавшегося меня здания. Что ж он так сатанеет, с чего бы это воспылал ко мне любовью, жаждет меня, только меня?..

Но с этим я разберусь потом, на следующий день, надеюсь. Совсем скоро ночная мгла застит свет. Мне пора выспаться, несмотря ни на что, дать отдых организму. Хватит на сегодня беготни, опасностей, чудес... и ненужных рефлексий. Событийный ряд нескольких минувших суток с лихвой окупит предсказуемую размеренность всей прежней жизни.

...Второе утро в зоне страшных чудес, однако.

Живой!

Просыпаюсь опять поздно, уже совсем засветло. Выглядываю за окно. Вчерашний полыхающий огнём преследователь пропал всё-таки, оставив в напоминание о себе обгоревшие участки. Или «устал» ждать, или не настолько долго держится в нём привязка к потенциальной жертве.

К городским развалинам за ночь подкрался туман – метрах в пятидесяти от меня картина мира затянулась волглой белизной. Дождь как постоянное явление не наблюдается, хотя редкие капли мороси приносятся сверху порывами ветра.

Я со зверским аппетитом сжираю банку консервированных сардин и печально констатирую, что она предпоследняя. Кроме банки тушёнки и пачки галет, еды у меня с собой больше нет. С водой получше, но её тоже надолго не хватит; максимум до следующего дня получится растянуть. То есть если доживу до третьего утра.

Значит, сегодня во что бы то ни стало надо найти пищу и питьё. Воду из рек, протекающих в этом мире, я употреблять пока опасаясь, хотя, если прижмёт, скорее всего попробую. Конечно, предпочтительнее не река, а родник или ключ... но могут ли здесь быть подобные источники, я не представляю. Где взять еду, вообще непонятно. Теперь конец пути по причине истощения от голода и жажды показался не столь уж невероятным, как ещё день тому назад.

Решив не упускать ни мгновения, выступаю в следующий переход. Чем дальше продвинусь за сегодня, тем скорее приду к цели вообще и в частности к возможной оказии пополнения запасов.

Перелезаю через бывший подоконник наружу, опускаюсь на руках как можно ниже и осторожно спрыгиваю вниз. Приземлившись, повожу стволом винтовки туда-сюда; готов стрелять в любую секунду. Но никто и ничто на меня пока не бросается с рычанием и раскрытой пастью, а бродячие участки ИФП не пытаются заграбастать. Хотя я настороженно жду возникновения новой угрозы, и напряжение даже на короткий миг не отпускает нервную систему.

Что ж, начинаю перемещаться вперёд, переходя от обломка к обломку, проверяя пространство на наличие локальных изменений. Стараюсь издавать как можно меньше шума, осваиваю ремесло призрака. Чем меньше шумишь, тем больше шансов загодя услышать приближение угрозы. Значит, быстрее среагировать. И тем самым снижается вероятность быть засечённым врагом, который здесь попрятался скорей всего буквально повсюду.

Сам этот мир – мой враг, причём бросивший мне очень серьёзный вызов.

Тут я слышу прерывистый грохот. Не сразу врубаюсь, что это такое, потому что звуки искажает туман... Кстати, эта белая дымка обладает интересным свойством. Когда я наблюдал за пространством, наполненным туманом, из окна, мутная белёсость казалась совсем непроглядной. Но стоило мне войти в неё, и открылась видимость в радиусе нескольких шагов. Таким образом, не очень-то и разобрать, где собственно начинается туман, а где кончается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.